

Est. A-16429

*Herra prof. nr. A. Saareste
mit freundlichem grüße
der verfassers*

О ПЕРЕЖИТОЧНЫХ СЛЕДАХ АОРИСТА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В РУССКОМ

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕТИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ

А. И. СТЕНДЕР-ПЕТЕРСЕН

MIT EINEM REFERAT:

ÜBER RUDIMENTÄRE RESTE DES AORISTS
IN DEN SLAVISCHEN SPRACHEN, VORZÜGLICH IM RUSSISCHEN

VON AD. STENDER-PETERSEN

ДЕРПТ (TARTU) 1929

Est. A-16429

О ПЕРЕЖИТОЧНЫХ СЛЕДАХ АОРИСТА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В РУССКОМ

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕТИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ

А. И. СТЕНДЕР-ПЕТЕРСЕН

MIT EINEM REFERAT:

ÜBER RUDIMENTÄRE RESTE DES AORISTS
IN DEN SLAVISCHEN SPRÄCHEN, VORZÜGLICH IM RUSSISCHEN

VON AD. STENDER-PETERSEN

ДЕРПТ (TARTU) 1929

Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B XVIII. 3

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
L 29480516

K. Маттисен, Дерпт (Tartu).

§ 1. Хотя моя работа и посвящена совершенно единичному явлению в области истории грамматических форм и их синтаксических функций, она тем не менее, думается, имеет некоторое право претендовать на более общее, принципиальное значение. Учёная традиция приписывает знаменитому кодификатору синтаксических явлений славянских языков Миклошичу следующее изречение: „Wenn die form verloren geht, geht auch die kategorie verloren“. Повидимому, эти слова были сказаны им в устной беседе профессору Мурко, причём он прежде всего имел в виду исчезновение в болгарском языке падежных форм¹⁾. Приведённое изречение может быть понято в двояком смысле: Миклошич или хотел им сказать, что потеря какой-либо категории в языковом мышлении ведёт за собою и утрату той формы, которая служила к обозначению её, или же — наоборот — что вследствие утраты какой-либо формы, обозначающей известную языковую категорию, исчезает вместе с нею и самая категория. Мне кажется, что несколько безапелляционное утверждение Миклошича и в том и в другом случае может быть оспариваемо. В частности же мне хотелось бы тут поставить такой вопрос: стоит ли действительно исчезновение из какого-либо данного языка определённых грамматических форм безусловно и всегда в прямой, причинной зависимости от исчезновения в психике говорящих на этом языке также и тех языковых категорий, выражению каковых когда-то служили исчезнувшие теперь грамматические формы? И не исчезает ли в известных случаях, по особым в каждом отдельном случае причинам, только форма, а категория сама по себе не всегда исчезает, но, продолжая существовать в психике, пользуется иногда услугами

1) См. подстрочное замечание в труде K. H. Meyer'a, *Der untergang der deklination im bulgarischen* (= *Slavica*, т. III), Гейдельберг 1920, стр. 9.

иной формы или иных форм, приобретающих таким образом новое значение? Конечно, слишком абсолютно отвечать на этот вопрос нельзя ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Но во всяком случае теоретически положительный ответ на вторую часть нашего вопроса по моему вполне мыслим и допустим. Я склонен думать, что исчезновение формы далеко не всегда является следствием исчезновения категории. Напротив, категория вероятно в состоянии пережить исчезающую форму и получить адекватное (или почти адекватное) выражение в совершенно иной форме, имевшей дотоле совсем иные задачи и функции. Для того, чтобы могло произойти такое перенесение данной категории с одной формы на иную форму, конечно, необходимо наличие тех или иных внешних точек соприкосновения между обеими формами, причём перенесение категории, разумеется, будет происходить по общеизвестным законам ассоциации. Вероятность такого мнения я и хотел в первую очередь показать в предлагаемой ныне статье на конкретном примере, а именно в связи с рассмотрением любопытных фактов особого синтаксического употребления в славянских языках, прежде всего в русском, 1) формы императива, 2) форм настоящего-будущего от глаголов совершенного вида и 3) отглагольных междометий. Не скрою, что только после некоторых колебаний решаюсь печатать свою статью, написанную мною уже несколько лет тому назад, а задуманную чуть ли не на университетской скамье. Колебание это объясняется тем, что мысль, положенная мной в основу этой статьи, в сущности доказана быть не может. Возможно только довести её вероятность до более или менее высокой степени убедительности или очевидности путём удачной группировки фактов, но сомнение в правильности последней должно принципиально оставаться допустимым и не может быть вполне исключено. В виду этого я и напол нужным снабдить заглавие своей статьи ещё и подзаголовком („Несколько гипотетических соображений“), подчёркивающим, что я, несмотря на личное моё убеждение в правильности основных мыслей своей статьи, не отрицаю а priori справедливости возможных против них возражений. Толчком к напечатанию этой статьи послужило, между прочим, то благоприятное для меня обстоятельство, что по некоторым из затрагиваемых мною вопросов очевидно к тому же (или почти тому же) результату,

что и я, пришел покойный ныне академик Шахматов: в недавно вышедшем капитальном труде его „Синтаксис русского языка“ (вып. I—II, Ленинград 1925/27), изданном Академией Наук уже по смерти автора, мы находим, между прочим, и брошенные вскользь догадки относительно объяснения особого употребления императива и подобного же употребления глагольных междометий. Догадки эти, предвосхищая до некоторой степени предлагаемые мною соображения, в то же самое время подкрепляют их значительным авторитетом великого учёного. Если таким образом моя статья и не имеет уже права претендовать на первенство всех в ней высказанных мыслей, она всё же, думается, не лишена значения, так как, во-первых, гораздо полнее освещает интересующие меня вопросы, чем краткие намёки и догадки Шахматова, во-вторых, связывает эти вопросы с синтаксическими явлениями, которых Шахматов не попытался объяснить, а в-третьих, наконец, подводит под эти вопросы широкий фундамент принципиально-теоретической проблемы¹⁾.

1) Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою признательность уважаемому коллеге, лектору Б. В. Правдину за проявленный им живой интерес к моей работе и ценную помощь при чтении корректуры.

I.

§ 2. Как известно, в живом, разговорно-„народном“ русском языке, а равно и в литературном, постольку, поскольку в нём передаётся живая речь, форма 2-го лица ед. и мн. числа императива нередко служит не столько средством выражения категории повелительного, как средством выражения категорий сослагательного, желательного и условного наклонений. Приведу несколько примеров: *Ну, захоти я например, — да у меня просто ноги не подымутся. Ну, сделай я антраша, — не сделаю ни за что.* Гоголь, Раз'езд; — *Так души низкие, будь знатен, силен ты, не смеют на тебя они поднять и взгляды; но упади лишь с высоты, от первых жди от них обиды и досады.* Крылов, Лисица и осёл; — *Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его..., а я скажу прямо..., что он негодный человек.* Гоголь, Мёртвые души, ч. I, гл. 9. — Таких примеров можно было бы привести неограниченное количество, ибо встречаются они при чтении литературных текстов, отражающих живую речь, на каждом шагу. Другие примеры можно найти у Шахматова в указанном труде (в §§ 56, 63 *уд*, 64, 237, 553). Мне хотелось бы только еще обратить внимание на следующий стих в басне „Орёл и паук“ Крылова: *Тут вихрь отколе ни возьмись и сдунул паука опять на самый низ.* В данном случае связка и как будто не на месте, излишня. Как же объяснить её появление в нашем предложении? Сопоставим приведённый стих со следующей цитатой из „Руслана и Людмилы“ Пушкина: *Как вдруг, откуда ни возьмись, в окно влетает змий крылатый.* В то время как у Пушкина фраза *откуда ни возьмись* сохраняет значение сослагательности, у Крылова очевидно произошла контаминация предложений *отколе ни возьмись* = *отколе ни взялся бы* с предложением типа *откуда-то взялся*. Такая контаминация,

однако, могла произойти только в том случае, если форма *возьмись* в его языковом сознании была тождественна с формой *взялся*. Сочетание *отколе ни возьмись* имело для Крылова совершенно то же значение, что и сочетание *отколе ни взялся* (ср. *Отколь ни взялся ястреб мой*, Два голубя). Приходится сделать вывод, что форма императива для него могла служить выражением прошедшего времени, причём, однако, как мы увидим ниже, эта категория прошедшего времени имела особый оттенок. Наконец, приходится ещё отметить любопытный факт распространения формы 2-го лица единственного числа на все остальные лица, за исключением 2-го лица множественного числа; распространение это объясняется тем, что 1-ое лицо ед. и мн. числа и 3-ье лицо мн. числа своих форм не имеют, а 2-ое лицо ед. ч. исконно тождественно с формой 3-го лица ед. числа; вследствие этого 2-ое лицо ед. числа и получило значение императива *κατ' ἐξοχήν*, так сказ. безличного императива, соединимого с личным местоимением любого лица. Из этого правила исключено 2-ое лицо мн. числа, между прочим и потому, что в сущности форма его является как бы механическим соединением императива *κατ' ἐξοχήν* с частицей *те* (ср. такие образования как *ну : ну-те*, *полно : полно-те*, *айда : айда-те* и т. д.).

§ 3. Кроме указанного употребления императива в желательном, сослагательном и т. д. смысле, весьма понятного в виду того, что русский (и конечно вообще славянский) императив по своему происхождению есть не что иное как опатив, — в русском языке, а именно в разговорной речи, имеется ещё иное употребление императива, которое с указанным ничего общего не имеет, и которое смешивать с ним (как это часто делается) не следует. Я уже в предыдущем параграфе намекал на этот способ употребления императива. Состоит он в отождествлении 2-го лица ед. числа повелительного наклонения со всеми лицами (за исключением 2-го лица ед. и мн. числа) прошедшего времени. При этом ему, как обычно полагается, сопутствует представление о быстроте, внезапности или же, как думаю я, крайней непродолжительности действия. Явление это до сих пор объяснялось очень неудовлетворительно или прямо неправильно. Прежде чем рассмотреть предлагаемые в научной литературе попытки объяснения его, приведу несколько примеров употребления императива в смысле

„внезапно“ — прошедшего времени. Примеры взяты мною из литературных источников, но отражают, как видно из контекста, живую, разговорную речь. В „Рассказчике“, вышедшем в 1781-м году, имеется в одном месте такая фраза: *В то самое время... нечаянно загляни к нему смерть и подкоси ему ноги.* В „Бригадире“ Фонвизина бригадирша жалуется следующим образом: *Теперь Игнатий Андреевич напад на меня ни за что, ни про что.* В „Коньке-Горбунке“ Ершова встречается такое место: *Вот и стал тот чёрт скакать и зерно хвостом сбивать; я шутить, ведь, не умею и вскочи ему на шею.* Часто императив в смысле внезапно-прошедшего времени встречается у Крылова, передающего, как давно известно, особенно верно народную речь; приведу ряд примеров: *Иной бы был такой доволен честью, но скворушка услышь, что хвалят соловья, ... и думает, постойте же друзья! Скворец; — И у друга на лбу подкарауля муху, что силы есть, хватъ друга камнем в лоб! Пустынник и медведь; — Случись, однакоже, что гребень затерялся. Гребень. — Если рассматривать слово ну как императив, число примеров из басен Крылова можно пополнить ещё следующими: Лягушка, на лугу увидевши вола, затеяла сама в дородстве с ним сравняться: она завистлива была, — и ну топорищиться, пыхтеть и надуваться. Лягушка и вол; — Увидевши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться. Слон и моська; — Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбан — и ну над ним возиться. Обезьяна; — И новые друзья ну обниматься, ну целоваться. Собачья дружба. — Из сказок Пушкина я приведу следующий пример: *Но царевна в обе руки хватъ — пойма! Сказка о мёртвой царевне* (хотя я и не уверен в том, относится ли этот пример, действительно, к нашей категории¹⁾); в „Станционном смотрителе“ находим такое предложение: *Барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я позабудь, где Дуня-то его живёт. —* У Лермонтова мною (при случайном чтении) замечен только следующий пример: *Сверху тогда упали перчатка с прекрасной руки, судьбы случайной игрою, между враждебной четюю. Перчатка. —* Привожу ещё примеры из Гоголя: *Случись же так, что как нарочно в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губер-**

1) Ср. ниже, стр. 70, прим. 2-ое.

натору разом две бумаги. Мёртвые души, ч. I, гл. 9; — из Островского: Обошёл он Гордея Карпыча да тем да другим, ровно туманом каким, а тот-то на старости да польстись на его богатство. Бедность не порок, III; — из Тургенева: А то другой сосед у нас в те поры завёлся — Козов Степан Никтополионыч... Отец-то ему и полюбись! Отодворец Овсяников; — В эту-то Дуняшу и влюбись Аким, да так как прежде никогда не влюблялся. Постоялый двор; — И что же она, как вы думаете? возьми и поди в маленькую пику. Где тонко, там и рвётся; — На этих порах отец мой — царство ему небесное — возьми да и умри. Нахлебник, I; — Соседка у нас в ту пору завелась... Ваш батюшка возьми да к ней и привяжись. Там же, II; — А тут ещё, как нарочно, подвернись другой знакомый нам гимназист, сын городского доктора, и начни хвастаться новыми часами. Часы; — Только вдруг она как поскользнулась, да навзничь, да и переломил себе ногу. Холостяк, I; — Ну, наконец, выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелёгкая её дёрнула сходить в баню. Там же; — из Толстого: Ну, и было ли, нет ли, только и дознайся мой старик. Власть тьмы, I; — И соберись они ночным делом, каторжные-то, так же вот, как и мы с тобой, и старичёк с ними. Война и мир, IV: III: XIII; — из Достоевского: Нам ведь так бы важно узнать, не видал ли кто их..., что мне и вообразись сейчас, что вы тоже могли бы сказать. Преступление и наказание, III: V; — Я вдруг и скажи ему. Братья Карамазовы, II: V: I; — И вот вдруг мне тогда в ту же секунду кто-то и шепнул на ухо. Там же, I: III: IV; — из Слепцова: И случись тот грех: только стали на мосточек везжать, навстречу им исправник. Отрывки из дорожных заметок; — Долго ли, коротко ли, только и захворавай же у этого диакона жена. На железной дороге; — Ну и надоумь он меня, человек-то этот. Питомка; — Я бежать, а они и вцепись друг дружке в волосы. Сцена в больнице; — из Чехова: Посылает Окурин к Дружкову секундантов, а Дружков не будь глуп и скажи... В номерах; — из Горького: Был там мужик один, Спивакин, он и скажи: „А ну вас к нехорошей матери с царём-то!“ Мать; — А я, сударь мой, седни ночью такое видел...: иду будто мимо храма какого-то белого и хотел снять шапку, да вместе с ней и сними голову с плеч. Матвей Кожемякин, I; — Фёдоров знахарку Тиунову непосильно зашиб. Она ему

утин лечила да по старости... и урони топор на поясницу ему. Там же, П; — Ах ты, думаю, подлая! да и наступи ей на хвост — ттр! Там же, III; — Вот однажды отец и побей меня в Балахне, а я и убёг. Там же, I; — И вот нанесло ей ветром на щеку листочек..... Она его сними да брось на землю. Там же, П; — из Якушкина: Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, он её и поколотил. Путевые письма¹⁾.

§ 4. Насколько мне известно, явление, пояснённое только что приведёнными примерами и довольно любопытное в историко-синтаксическом отношении, до сих пор оставалось необъяснённым и только, как сказано было выше, недавно вызвало со стороны Шахматова мимоходом брошенную догадку. — Буслаев в своей „Исторической грамматике русского языка“, в части, посвящённой синтаксису²⁾, говоря о значениях, принимаемых при разных условиях формами повелительного наклонения, указывает и на отмеченный мною факт употребления императива в смысле прошедшего времени (наряду с употреблением условным, в смысле „простого повеления и желания“ и в смысле „необходимости и возможности вообще“). Но исторического (или психологического) происхождения этого загадочного на первый взгляд явления он не указывает, а только подчёркивает особый оттенок, присущий ему в отличие от форм обыкновенных прошедшего времени, а именно оттенок „быстроты действия“ и „живости рассказа“. — Миклошич в своей сравнительной грамматике славянских языков³⁾ также не пытается дать объяснение происхождения замены прошедшего времени императивом, а ограничивается лишь определением тех условий, при которых такая замена возможна и встречается в живой речи: „Die 2. sing. imp. bezeichnet in rasch fortschreitender erzählung eine schnell vorübergehende, meist vergangene handlung. Sie kann mit jeder person aller numeri verbunden werden. Es muss jedoch ein die ganze situation in die vergangenheit versetzendes verbum vorhergehen“. Определение это, как видно из наших примеров, содержит несколько неточностей. Во-первых, 2-ое лицо мн. числа, ка-

1) Некоторые из вышеприведённых примеров заимствованы мною из труда Шахматова, Синтаксис, вып. I, стр. 191.

2) Стр. 140 и след. по 5-му изданию (Москва 1881).

3) Miklosich, Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, IV: Syntax (Вена 1868—74), стр. 794.

жется, никогда не ассоциируется с формой 2-го лица ед. числа императива, употреблённой в смысле прошедшего времени; точно также мне не довелось найти ни одного примера такого употребления императива в соединении с местоимением 2-го лица единственного числа. Императив употребляется в смысле прошедшего времени только в соединении с местоимениями 1-го и 3-го лиц ед. и мн. числа, причём употребляется так только форма 2-го лица ед. числа императива, а отнюдь не форма 2-го лица мн. числа (что и указано Миклошичем). Во-вторых, мы в наших примерах не найдём основания к мнению, что явление наше зависит от особого характера самого повествования („*rasch fortschreitende erzählung*“); условием для него является только повествовательный характер речи. В-третьих, во всех наших примерах мы имеем дело только с прошедшим, а отнюдь не с проходящим (значит настоящим) временем. Наконец, в-четвёртых, можно усумниться в правильности мнения Миклошича, что императиву должна предшествовать форма прошедшего времени; императив в соединении с местоимением не 2-го лица (*он, мы, кто-то* и т. д.) может быть только понят и действительно непосредственно понимается как прошедшее время (*Кто-то и шепни на ухо*); другое дело то, что в действительности ему почти всегда предшествует форма прошедшего времени; из этого обязательного условия, конечно, делать ещё нельзя. Что касается объяснения нашего явления, то Миклошич сам сознаётся: „Die erklärungs dieser bedeutung des imperativs, die zurückführung derselben auf die ursprüngliche funktion (т. е. функцию повелительного наклонения) dieser verbalform ist mir nicht gelungen“. — Так же отсутствует всякая серьёзная попытка дать историческое или синтаксическое объяснение интересующего нас явления и в „Лекциях по истории русского языка“ Соболевского¹⁾. В первых двух (или даже трёх) изданиях своего труда Соболевский не обращал совсем внимания на него, и только в четвёртом издании (на стр. 255) мы находим по поводу его несколько вскользь сказанных слов: „Не лишнее заметить, что форма 2-го и 3-го лица ед. числа [императива] с течением времени перешла из придаточных предложений

1) В моём распоряжении 2-ое (вышедшее в Петербурге в 1891 г.) и 4-ое (вышедшее в Москве в 1907 г.) издание; цитаты по 4-му изданию.

[в которых, как указывает Соболевский, выполняла исключительно функции желательно-сослагательного наклонения] в главные и стала в этих последних употребляться в качестве формы изъявительного наклонения для обозначения быстро совершившегося действия". Если, действительно, императив перешел из придаточных предложений в главные, — что, однако, в высшей степени сомнительно, — то остаётся еще объяснить, почему он вместо желательно-сослагательной функции получил функцию изъявительно-прошедшую. Такого объяснения мы в словах Соболевского не находим.

§ 5. Попытался дать кой-какое объяснение нашему явлению впервые Дельбрюк во 2-й части своего сравнительного синтаксиса индоевропейских языков¹⁾, а вслед за ним повторил то же объяснение и Вондрак во 2-м томе сравнительной славянской грамматики²⁾. Однако объяснение это удачным назвать нельзя. Оба учёных, предполагая, что мы имеем перед собою действительно повелительное наклонение, пытаются восстановить тот психологический процесс (эллипсис), в силу которого, по их мнению, форма императива могла получить значение прошедшего времени. Они склонны думать, что в предложениях, подобных приведённым нами выше, „пропущены“ и „подразумеваются“ такие сочетания слов или предложения, которые мотивировали бы появление повелительного наклонения. Указав на то, что будто бы „bei lebhafter schilderung einer begebenheit“ повелительное наклонение появляется вместо прошедшего времени изъявительного наклонения, Вондрак, следуя Дельбрюку, поясняет свою мысль на таком примере: *Издали увидит леца да и хватъ его зубами*; эту фразу он поясняет так: „Die ursprüngliche auffassung wäre natürlich (?) die: *und nun hiess es [sagte er sich]: pack ihn mit den zähnen*“. Объяснение это просто придумано ad hoc. Неиспорченное языковое „чутьё“ немедленно подсказывает нам, что императивом в данном случае выражено отнюдь не обращение подлежащего к самому себе с повелением во 2-м лице ед. числа совершить известное

1) B. Delbrück, Vergleichende syntax der indogermanischen sprachen, ч. II (Страсбург 1897), стр. 397.

2) V. Vondrák, Vergleichende slavische grammatik, т. II (Гёттинген 1908), стр. 282. То же объяснение Вондрак повторяет и во 2-м изд., т. II (Гёттинген 1928), стр. 395.

действие, — ибо из такого повелительного обращения ещё не вытекало бы, что действие фактически было совершено —, а просто высказывается, что действие совершилось. Иными словами: императив употреблён не для того, чтобы передать (хотя бы эллиптически) душевное состояние или ход мыслей субъекта рассказываемого действия или события, а для того, чтобы передать представление самого рассказчика об особом характере совершенного действия, об особом способе совершения его в прошлом¹). Очевидно, именно императив вернее и точнее, чем форма прошедшего времени изъявительного наклонения, передаёт этот особый способ, этот особый характер действия. Насколько, действительно, особенность его именно состоит в „быстроте“, как обыкновенно полагают, об этом ещё речь впереди. В доказательство того, что в сознании говорящего совершенно отсутствует представление об императивности (в смысле повеления), можно указать на такие случаи, когда мы имеем дело с так наз. „безличными“ предложениями (напр. *случись*); тут уж ни о каком обращении подлежащего к самому себе и речи быть не может. Другим доказательством может послужить выше приведённый пример из Пушкина: *Но царевна в обе руки хватъ — поймала*. Тут слова *хватъ* и *поймала* прямо-таки сближаются рассказчиком как две равноправные, хотя и не тождественные формы прошедшего времени, причём второй глагол поясняет первый: *хватъ* обозначает особым способом совершенное действие, необходимое для того, чтобы поймать (в данном случае яблочко), а *поймала* обозначает достижение результата этого же действия. Не довольствуясь своим объяснением, Вондрак прибавляет: „Es ist aber auch zu beachten, dass dem imperative in der regel der sofortige eintritt der befohlenen handlung folgt oder folgen soll, und so könnten in der erzählung alle derartigen handlungen, die

1) Поэтому мне кажется необходимым строго отличать наше явление от случаев эллиптического употребления императива, приводимых Кикерсом (РВВ. XLIV, стр. 573, IF. XL, стр. 160) из немецкого языка; тут хотя бы в примере: *Aber Moritz aus der tasche zieht die flintenpulverflasche, und geschwinde, stopf, stopf, stopf! pulver in den pfeifenkopf*, совершенно ясно эллиптическое обращение Морица к самому себе (или автора к Морицу?), так что слова от *und* до *pfeifenkopf* можно было бы привести в кавычках. Ср. еще Behaghel, Deutsche syntax (Гейдельберг 1924), стр. 247. Приношу благодарность уважаемому коллеге, проф. Э. Кикерсу за указание названной литературы.

sofort eintreten müssen, durch die als ein erstarrter ausdruck gebrauchte imperativform ausgedrückt werden“. Применяя выражение „die als ein erstarrter ausdruck gebrauchte imperativform“, Вондрак уже ближе к истине постольку, поскольку допускает в форме императива отсутствие всякого действительно-повелительного содержания. Но по существу он и тут неправ, ибо полагает, что исконно такое содержание в ней было. Если бы он был прав в данном случае, то было бы нетрудно привести такие древнерусские примеры, в которых форма императива сохраняла бы ещё повелительное содержание. Таких примеров Вондрак однако не приводит, и есть основание сомневаться в том, чтобы они вообще имелись. Следует кроме того подчеркнуть ещё и то, что „потерявшая“, по мнению Вондрака, свой исконный, повелительный характер форма императива во всех приведённых нами примерах отнюдь не выражает „действия, долженствующего немедленно совершиться“ („handlungen, die sofort eintreten müssen“), ни даже „действия, долженствовавшего немедленно совершиться“, а выражает всегда только действие, уже (особым способом) совершённое в прошлом, — без всякой примеси прямой повелительности или обязательности¹⁾.

§ 6. Ко мнению Дельбрюка и Вондрака присоединился странным образом тонкий знаток функций русского глагола Мазон в своей известной работе о способах употребления видов в русском языке²⁾. При этом Мазон, очевидно, допускает существенную ошибку, усматривая в употреблении императива от глаголов совершенного вида в неповелительном смысле явление однородное с употреблением в том же смысле императива от глаголов несовершенного вида, т. е. ставя в одну линию примеры типа *Отец ему и приглянись* с примерами типа [*Жена сегодня гуляет или пошла гулять*] *а я переписывай бумаги*. Что касается его интерпретации примеров второго типа, то я многого возразить против неё не имею. Гласит она следующим образом: „L'impératif imperfectif... exprime... une action... non pas en tant que commandée

1) Приведённый выше пример использован мною только в виду того, что Вондрак исходит из него. На самом деле можно сомневаться, имеем ли мы перед собой „императив“ или междометие. Ср. ниже, стр. 70, прим. 2-ое.

2) А. Мазон, *L'emploi des aspects du verbe russe* (Париж 1914). Ср. стр. 71 и след., стр. 94—95.

ni souhaitée, mais simplement en tant que constatée par le sujet parlant“. При этом Мазон предлагает особые термины для императива, употреблённого в связи с настоящим временем, и для императива, употреблённого в связи с прошедшим временем: „L'impératif peut être dit *narratif*, si la constatation se rapporte au présent, il peut par contre être dit *historique*, si la constatation se rapporte au passé“. Соглашаясь с этой терминологией, я однако нахожу, что Мазон своей интерпретацией императива несов. вида, хотя она и получила очень осторожную формулировку, всё же слишком суживает элемент повелительности, как ни как явственно ощущаемый в примерах этого типа: *Дадут ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дело шапку с него на-земь бросают; арапником . . . задевают; а он — всё смеёйся да других смеши*. Тургенев, *Однодворец Овсяников*; — *Помню это, вызывает меня раз учитель к чёрной доске и диктует Через неделю опять к доске, опять пиши*. Чехов, *Мыслитель*; — *Отработал своё и ступай по лесу ходить или в лакейскую романсы слушать*. Чехов, *Женское счастье*. — Во всех этих примерах элемент необходимости, повелительности, даже принудительности совершенно ясен. Если присмотреться к примеру, приведённому Мазоном: *Жена пошла гулять, а я — переписывай бумаги*, то вторую часть фразы, без всякой разницы в значении и содержании, можно передать другими словами так: *а я принуждён, должен, обязан, осуждён и т. д. переписывать бумаги (вместо того, чтобы погулять и самому)*. В приведённых мною выше примерах императивы — это явствует из контекста — просто передают повеление господ-дворян однодворцу, учителя ученику, барина лакею. Правда, Мазон приводит такой пример: *Все взялись за работу, а он лежи на печи*; тут такая передача смысла не удаётся, так как императив как будто не означает принуждённости лежания на печи, а только установление, притом досадное, факта со стороны работающих (хотя, конечно, можно предположить, что „он“ лежит на печи по неволе, по болезни и т. д.¹). Но если повествователь или рассказчик своей фразой хотел сказать, что работающие недовольны тем, кто по своей собственной воле или прихоти лежит на печи, то он свою фразу построил

1) Понимание фразы всецело зависит от контекста, которого Мазон, к сожалению, не приводит.

неправильно. Иными словами, приведённое предложение подозрительно и вероятно сказано человеком, не совсем владеющим русским языком. Русский сказал бы: *Он лежит на печи, а мы работай*. Ощущение неправильности построения фразы, приведённой Мазоном, коренится в том факте, что элемент повелительности, представление необходимости или принуждённости именно-то и является главным условием допустимости императива от глагола несовершенного вида. — Резко разнятся от указанных примеров те случаи, когда императив от глагола сов. вида употреблён в значении прошедшего времени; в фразе *Отец мой ему и приглянись* нет ни малейшего оттенка повелительности, и тем не менее она не вызывает никаких сомнений относительно правильности построения её. Из этого нужно таким образом заключить, что глагольный вид имеет решающее значение для понимания формы императива.

§ 7. Итак ни Дельбрюк, ни Вондрак, ни Мазон не сумели правильно оценить и определить то явление, о котором идёт у нас речь. Объясняется это отчасти тем, что в их распоряжении не было сравнительного материала из иных индоевропейских языков. Видя перед собой во всех приведённых и подобных им примерах форму, определяемую в русской грамматике как форма повелительного наклонения, они не были в состоянии отрешиться от представления о том, что повелительной форме должно соответствовать и повелительное содержание, обыкновенно с нею ассоциируемое. Поэтому они стремились восстановить для каждого отдельного случая тот предполагаемый мыслительный процесс, из которого мог бы получиться в результате переход значения императива в значение прошедшего времени. На деле же мы не имеем ни такого перехода ни замещения формы прошедшего времени формой повелительного наклонения. Ибо если бы оно имелось, то, конечно, нужно было бы ожидать также не только употребления 2-го лица ед. числа повелительного наклонения в смысле 2-го же лица того же числа прошедшего времени, но и употребления 2-го лица мн. числа повелительного наклонения в смысле 2-го лица мн. числа прошедшего времени; иными словами, нам удалось бы привести примеры такого рода: *Ты приходи да и скажи ему, Вы пришли да и скажи(те) ему*. Таких случаев в действительности нет: употребляется в смысле про-

шедшего времени всегда только форма 2-го лица ед. числа императива для всех лиц за исключением именно 2-го лица ед. и мн. числа. Чем это объясняется? Конечно тем, что при употреблении императива для 2-го лица ед. и мн. числа в нашем сознании неминуемо появляется представление сильно подчеркнутой повелительности. Следовательно, русский язык, употребляя форму императива в значении прошедшего для 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа, но не для 2-го лица, избегает возможности появления повелительности и только имеет в виду изъясительность. Из этого нужно заключить, что форма „императива“ только по внешнему виду, только со звуковой стороны совпадает в нашем случае с формой повелительного наклонения, по существу же и по историческому происхождению отнюдь не может быть настоящей формой повелительного наклонения. Что же, стало быть, перед нами? Приходится сказать, что перед нами пока-что загадочная форма прошедшего времени с особым оттенком, „случайно“ совпавшая с формой 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Наша задача поэтому и состоит в том, чтобы объяснить историческое происхождение этой странной формы, а вместе с тем и причины совпадения её с формой императива.

§ 8. Единственно возможным и, как мне кажется, безупречным объяснением нашего явления представляется мне предположение, что мы имеем дело с сохранившейся в виде пережиточного, „окаменевшего“ остатка формой аориста. Другими словами, мнимая форма 2-го (и 3-го) лица ед. числа повелительного наклонения, употребляемая в функции прошедшего времени, по происхождению своему совсем не императив, а аорист, совпавший с течением времени в силу особых обстоятельств чисто внешним образом с формой императива и вследствие этого отождествляемый грамматикой ошибочно с нею. Чтобы подтвердить такое предположение, необходимо обратиться за свидетельствами к древнерусским текстам. Возьмём в качестве отправного пункта следующую фразу, найденную мною в одном из опубликованных Тихонравовым древнерусских отречённых текстов¹⁾: *Царь же (Соломонъ) не понеси ему ни въ чемъ же и посла его посольствомъ на страну далечю.*

1) Н. С. Тихонравов, Памятники отречённой русской литературы, т. I (Петербург 1863), стр. 264—265.

Мы в данном случае имеем две глагольные формы *понеси* и *посла*, причём, очевидно, за обеими формами предполагаются совершенно тождественные синтаксические функции; но в то время как форма *посла* несомненно имеет значение 3-го лица ед. числа аориста (*послахъ*, *посла* и т. д.) от глагола *послать*, спрягаемого согласно классификации Лескина¹⁾ по образцу третьего спряжения, слово *понеси* формально является императивом от глагола *понести*, спрягаемого по системе первого спряжения²⁾. Не может быть сомнения в том, что для автора данного текста, вернее его переписчика, никакой грамматической разницы между обеими формами не было: форма *понеси*, на вид императивная, стоит в совершенно тех же внешних и внутренних условиях, что и форма *посла*, несомненно аористическая; и та и другая исполняют в предложении точно ту же функцию, функцию простого прошедшего (аориста) для обозначения единичного, сбывшегося в прошлом факта вне всякого отношения к настоящему с точки зрения автора времени. Другими словами, вместо ожидаемого нами „правильного“ аориста *понесе* мы находим „неправильную“ форму *понеси*. Неправильность этой формы, совпадающей с императивом, писцом, очевидно, не сознавалась. Теперь можно было бы предположить, что писец допустил просто ошибку в силу слабого знания чуждого ему церковного языка; можно было бы предположить, что, благодаря исчезновению аориста из собственного языка писца, из языка русского, писец этот случайно образовал неправильную форму, что желая образовать форму аориста, он образовал её по иному спряжению (четвёртому), чем следовало. Такое заключение, однако, едва ли будет правильным. Во-первых, в том же тексте мы уже не находим подобных ошибок; аористы от глаголов первого спряжения образованы у него правильно по законам церковнославянского языка; он, очевидно, грамматику его знал. Во-вторых, можно спросить: почему же, зная грамматику церковнославянского языка, он „смешал“ аорист с императивом? почему не „смешал“ он его с обычной в его языке формой прошедшего времени *понесъ*? Приходится ответить, что поста-

1) A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) sprache, 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 128.

2) Там же, стр. 122.

вил он вместо церковнославянского аориста *понесе* форму *пони* просто потому, что эта последняя форма в его собственном, т.е. русском языке и была аористом. В-третьих, наконец, можно указать ещё и на то, что наш пример, взятый из текста 15-го или 16-го века, случай не единственный; такие случаи встречаются и в других памятниках, как ниже будет указано. Спрашивается: каким же образом, в силу каких обстоятельств глаголы типа *понести* в русском языке могли получить аорист на *-и*? т.е. каким образом могло произойти в сознании русских людей „смешение“ аориста с императивом?

§ 9. Единственное объяснение, которое можно дать этому явлению, должно основываться на хорошо известном и характерном для русского языка факте постепенного исчезновения из него унаследованных из праславянского языка отдельных форм аориста. Напомним вкратце об основных явлениях этого процесса. Утрата аориста, кажется, происходила на всей территории русского языка далеко не равномерно. Очень рано процесс утраты аориста был закончен в южнорусских и западнорусских говорах. В произведениях церковного характера, а также в летописях формы аориста в силу традиции, конечно, сохранялись; но если обратиться к южно- и западнорусским памятникам светского характера, напр. к грамотам, то можно установить полное отсутствие древних форм аориста. По указанию Н. Дурново¹⁾, отсутствие это наблюдается уже в древнейшей грамоте, так наз. Мстиславовой грамоте 1130-го года. При этом можно установить всё растущее распространение форм прошедшего сложного на *-лз*, *-ла*, *-ло*, *-ли* за счёт форм древнего аориста. В севернорусских говорах, по мнению Дурново, употребление форм аориста сохранилось несколько дольше; но если формы аориста (напр. *се дахъ*, *се дать*, *се выкупи*, *обиниша*, *пояша* и т. д.) изредка ещё встречаются в новгородских и двинских грамотах 14-го и 15-го веков, то в этом усматривать указание на сохранение исконных форм аориста в живой речи ещё нельзя, ибо формы эти, как подчёркивает и сам Дурново, встречаются „больше в традиционных формулах“ и поэтому скорее всего должны рассматриваться как архаизмы, характерные для „канцелярского“ слога вообще. Правильным по-

1) Н. Дурново, Очерк истории русского языка (Москва 1924), стр. 327.

этому можно считать мнение, высказанное уже Буслаевым¹⁾, что утрата древних форм аориста в русском языке и замена их формами прошедшего сложного или описательного должна быть отнесена к 12-му веку. К такой датировке близко подходит мнение Шахматова²⁾, определяющего время утраты форм аориста в русском языке несколько более осторожно 12-м и 13-м веками; наряду с некоторыми иными особенностями он относит и исчезновение форм аориста к признакам обособившегося древнерусского языка. Мне, однако, думается, что история аориста в русском языке далеко не исчерпывается простым установлением утраты форм его; процесс этот, кажется, был гораздо сложнее. Такое мнение подтверждается при более пристальном рассмотрении тех условий, при которых формы аориста исчезают, тех явлений, коими утрата его сопровождается. Укажу здесь вкратце на некоторые из них. Менее важным представляется мне то обстоятельство, что процесс постепенного исчезновения из языка „правильных“, т.-е. древнецерковнославянских форм аориста на всём своём протяжении сопровождается легко объяснимым явлением смещения отдельных форм аориста с соответствующими им (а иногда даже совсем не соответствующими) формами имперфекта. На это явление указывал уже и Соболевский в своих „Лекциях“³⁾. Очевидно, древнецерковнославянские формы и аориста и имперфекта были одинаково чужды языковому сознанию писцов и сливались в нём в качестве особенных, книжных форм для прошедшего времени. В гораздо более высокой степени интересен и важен для нас иной факт, факт утраты исчезающим аористом категории числа. С одной стороны вместо ожидаемого 3-го лица мн. числа аориста мы в древнерусских текстах нередко встречаем форму 3-го лица ед. числа (иногда даже 1-го лица ед. числа), с другой стороны, наоборот, вместо форм единственного числа 3-ье лицо мн. числа аориста. Для случаев последнего типа Соболевский м. пр. приводит такую фразу из сочинения Котошихина: *Иванъ Грозный сына своего смири на оный*

1) Ф. Буслаев, Историческая русская грамматика, ч. II (Москва 1881), стр. 134.

2) А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I (Петроград 1916), стр. 85.

3) См. стр. 236 названного труда.

святъ, пробиша его осномъ своимъ. Здесь 3-ье лицо мн. числа употреблено непосредственно вслед за 3-им лицом ед. числа, единственно „правильным“ в данном случае¹⁾. Что касается употребления 3-го лица ед. числа вместо 3-го лица мн. и двойств. числа, то можно указать на следующие примеры, приводимые А. А. Никольским в его исследовании о языке Ипатской летописи (1425)²⁾: *Чернорисци поча* (вм. *почаша*) *множитися* и *Святославъ же Всеволодовичъ и Рюрикъ... не стряпя поиде* (вм. *пойдосте*). Шахматов в своём исследовании о двинских грамотах 15-го века³⁾ также привёл целый ряд примеров употребления 3-го лица ед. числа аориста вместо того же лица двойственного или множественного числа, напр. *Се купи Костянтинъ и его братья, Се купи игуменъ Василей и Родивонъ старецъ и все черницы, И да Костянтине и его братья, Се заложити Обросимъ и Лаврентей Васильевы дѣти* и т. д.⁴⁾. Точно также и Соболевский в своих „Лекциях“⁵⁾ приводит подобные же примеры из текста 17-го века (Житие преподобного Адриана Пошехонского): *Мучители рече, Нача старосты вопрошати*. Спрашивается, как нужно объяснять такое употребление формы одного лица вместо формы совершенно иного лица, формы одного числа вместо формы совершенно иного числа? Над этим вопросом до сих пор никто не задумывался, ибо очевидно считали, что явление это вполне понятно. И действительно, ближайшая причина этого смешения лиц и чисел будет состоять в том, что исконные формы аориста в живом русском языке уже никакого соответствия не находили и поэтому в качестве форм чисто книжных стали смешиваться в сознании русских писцов, желавших пощеголять своими познаниями, но обладавших познаниями весьма скудными.

§ 10. Но такое объяснение, как мне думается, несколько односторонне. Можно предположить, что за фактом смешения форм ед. и мн. числа аориста в древнерусских текстах кроется

1) Вопрос, однако, не стоит ли здесь *пробиша* вместо причастия. Эту догадку высказал уже С. И. Маслов в своих „Лекциях по истории русского языка“ (литогр. изд., Киев 1914), стр. 200.

2) РФВ. XLII, стр. 77—78.

3) Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3 (Петербург 1903), стр. 118.

4) Тут несомненно следует считаться ещё с тем, что сказуемое стоит перед группой подлежащих, из которых первое дано в единственном числе.

5) Стр. 237.

параллельное явление в живом древнерусском языке. Такое предположение возможно, конечно, только в том случае, если в последнем, т.е. живом древнерусском языке, в противоположность всем существующим на этот счёт мнениям, сохранилась пережиточная форма аориста. В виду нижеследующих соображений я склонен думать, что дело именно так и обстояло, причём я полагаю, что первый этап в процессе утраты отдельных, унаследованных из праславянского языка форм аориста состоял в том, что 3-ье лицо ед. числа мало по малу расширяло свои права и функции за счёт всех остальных форм, или — скажем осторожнее в виду того, что наши примеры затрагивают только 3-ье лицо мн. числа, — за счёт именно этой формы. Таким образом могли совпасть в одной форме 2-ое, 3-ье лицо ед. и 3-ье лицо мн. числа. Так как кроме двух последних употребительной могла ещё быть форма 1-го лица ед. числа, то постепенно и на функцию этого лица могла быть распространена форма 3-го лица ед. числа. Важную роль при этом должно было сыграть прежде всего то обстоятельство, что аорист в качестве времени „исторического“ был более или менее обязательным в рассказе о событиях, воспринимаемых вне всякого отношения к настоящему времени, т.е. ко времени рассказа, но тем не менее в качестве минувших. В таком рассказе, конечно, должны были преобладать формы 3-го лица ед. числа, постольку, поскольку героем его обыкновенно являлось одно лицо. Реже героями его могли являться два и три лица, ещё реже сам рассказчик, почти никогда несколько рассказчиков или тем менее лицо или лица, к которым рассказ был обращён. Это обстоятельство должно было сильно способствовать расширению сферы функции 3-го лица ед. числа аориста. Ещё более способствовало ему другое обстоятельство, а именно факт совпадения во многих случаях формы 3-го (и 2-го) лица ед. числа аориста с формой 2-го (и 3-го) лица ед. числа императива. А так как мы имеем основание полагать, что форма ед. числа императива в живой речи не только теперь, но и в более древние эпохи охотно употреблялась в соединении со всеми лицами ед. и мн. числа (за исключением, кажется, 2-го лица мн. числа), то неудивительно, что то же самое происходило параллельно и с „окаменевшей“ формой 3-го лица ед. числа аориста. Следует ещё только спросить, как именно могло произойти сближение и на-

конец окончательное отождествление формы аориста с формой императива? Я представляю себе этот процесс следующим образом. Начался он с глаголов 4-го спряжения, т.-е. глаголов, оканчивающихся в неопределённом наклонении на *-ити*, *-ить*. Глаголы эти, как каузативно-девербативные так и деноминативные, как известно, в славянских языках количественно преобладают над глаголами остальных спряжений и, по свидетельству С. Карцевского¹⁾, в русском языке принадлежат к числу наиболее продуктивных глаголов. Форма 3-го (и 2-го) лица ед. числа аориста от этих глаголов оканчивалась, как известно, на *-и* и совпадала таким образом с формой императива. Правда, была разница в ударении, так как форма 3-го лица ед. числа аориста исконно по отношению к ударению согласовывалась с ударением настоящего времени, а не императива²⁾; но возможно, что в русском языке и тут произошло сближение уже в силу одного того, что когда-то остальные лица аориста имели то же ударение, что и императив. В известных случаях (напр. *прослáви замéти постáви*) совпадение 3-го лица ед. числа аориста с императивом всё же и по отношению к ударению было полное³⁾. Вследствие такого процесса и формы аориста типа *смíри кúни залóжи погúби скóчи попрóси*, перенеся ударение на окончание, начали вслед за формами *прослáви замéти постáви* и т. д. рассматриваться как тождественные с формой императива (*смирíи купи́ заложи́* и т. д.). Путём обычного в жизни языка обобщения по аналогии совпадение, в начале процесса лишь случайное и частичное, неминуемо должно было повести к полному отождествлению аориста с императивом от глаголов всех спряжений, безразлично, совпадали ли эти формы исконно или нет. Получалась, таким образом, возможность „упрощённого“ образования аориста-императива. Сначала этот процесс вероятно затронул и другие классы глаголов спряжения на *-и*, так что появились формы типа *полети повели зашуми* вместо *полетѣ повелѣ зашумѣ*; затем в сферу влияния аналогии были втянуты и глаголы 1-го спряжения (с основами на *-о-/-е-*) и стали образовываться аористы *понеси приведи* вместо *понесе*

1) Slavia, т. I (Прага 1923), стр. 245.

2) Ср. А. Meillet, Le slave commun (Париж 1924), стр. 212.

3) Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I (Ленинград 1925), § 231, стр. 189.

приведе; наконец то же самое произошло с глаголами 2-го спряжения (основ на *-но- : -не-*) и 3-го спряжения (основ на *-је-*), и создались аористы типа *крикну помяни познай скажи убей* вместо *крикну помяну позна сказа уби* и т. д.

§ 11. В виду всего выше сказанного я считаю себя в праве полагать, что в цитированной уже по памятнику 16-го века фразе *Царь же не понеси ему ни въ чемъ же и посла его посольствомъ на страну далечю* форму *понеси* нельзя объяснять ни как результат простой описки, ни как результат незнания писцом „правильной“ формы *понесе*, а нужно видеть в ней прямой отголосок произошедшего в живом древнерусском языке отождествления формы аориста с формой императива. Весьма ценно было бы, если бы удалось собрать целый ряд подобных же примеров. Но, к сожалению, уже наперед можно сказать, что много таких примеров едва ли найдётся в виду того, что в памятниках светско-договорного характера сравнительно редко приходилось прибегать к аористу как форме „исторической“, а в памятниках церковного характера всегда нужно считаться с особенно определённым стремлением писца или автора, как-никак знатоков церковнославянской грамматики, к возможно более правильному и выдержанному употреблению форм традиционного церковного языка. К тому же, вероятно, нужно считаться ещё с тем, что народный аорист-императив, как будет сказано ещё подробнее ниже, получил несколько иной семасиологический оттенок чем тот, который был свойствен исконному аористу. Подыскивая примеры отождествления аориста с императивом, мы наконец в сущности принуждены отказаться от привлечения таких случаев, когда аорист и императив совпадали по форме (хотя и не всегда по ударению) в древнецерковнославянском языке. Если взять напр. следующую фразу из „Задонщины“¹⁾: *И помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его и прослезися горько*, то формы *помолися* и *прослезися* сами по себе могут быть и императивом и аористом. Даже в таком случае; *Бѣси же шедъ похити ю на переходи идущу еи ис полаты отъ матери и всадиша ю в сандалъ*²⁾, нельзя определённо говорить о том,

1) Ф. Буслаев, Русская хрестоматия, изд. 10-ое (Москва 1907), стр. 199.

2) Памятники отречённой русск. литературы, изд. Н. Тихоново-вым, т. I, стр. 270.

что форма *пожити* является императивом, хотя мы и ожидаем формы *пожитиша*, ибо она может рассматриваться и как аористическая форма, употреблённая не в том числе; это пожалуй подтверждается и формой *шедь* вм. *шедие*. Таким образом отпадают все глаголы на *-ити*, т.-е. самая крупная и следовательно наиболее часто употребляемая глагольная группа. В древнерусском тексте (14-го века) „Жития Варлаама и Иоасафа“ мы находим такую фразу¹⁾: *Възрѣвъ убо и видѣ двѣ мыши, бѣлу бо едину, другую же черну... Посмотри же во дно пропасти и видѣ змѣ страшно видѣньемъ и огнемъ дышуща;* тут опять возможно сомнение иного рода: с точки зрения русского глагола *смотреть* форма *смотри* приобретает вид императива, но с точки зрения глагольной (диалектической) формы *смотри* является совершенно правильно образованной формой аориста. Соболевский в своих „Лекциях“²⁾ приводит выписки из следующей фразы из одной грамоты 1518-года о насильном владении³⁾: *И коли, господине, Фованъ старецъ з братьею и староста называютъ ту землю своею Володимировскаго селца, и они, господине, возми образъ Пречистые да поведи, и ты нам, господине судья, туды и межю учини;* было бы очень заманчиво вслед за ним видеть в формах *возми* и *поведи* формы императива, употреблённые в смысле 3-го лица мн. числа прошедшего вр., т.-е. формы аориста 3-го лица ед. числа вм. мн. числа; но в данном случае можно, кажется, рассматривать указанные формы и как императив с сослагательным смыслом; так поступает впрочем и Шахматов⁴⁾. Уже вполне недвусмысленный пример мы находим в следующем случае: в рукописном списке „Синописа“ („си рѣчь Описаніе всего мира“) 1680-го года, хранящемся в Копенгагене в Большой Королевской Библиотеке⁵⁾, я нашол такое предложение: *Бѣ же Іоуалентіанъ юнъ и сластолюбивое его и неудержжанное плотолюбіе жизни*

1) Цитирую по труду П. В. Владимирова, Древняя русск. литература киевского периода XI—XIII веков (Киев 1900), стр. 105.

2) См. Лекции, 4-ое изд., стр. 255.

3) См. Архив П. М. Строева, т. I (= Русск. ист. библиотека, изд. Археогр. Коммиссией, т. XXXII), стр. 152.

4) В указ. труде, вып. I, стр. 192.

5) Ср. у И. И. Срезневского в „Сведениях и заметках...“ в Сборнике ОРЯС. XII (1875), стр. 358, и в моей статье в Nordisk tidskrift för bok- o. biblioteksväsen, т. V (Стокгольм 1918), стр. 250.

лиши его и царства и блуду обещника низведи в' поругание. Тут уже никак нельзя сомневаться в том, что форма *низведи*, стоя рядом с *бѣ* и *лиши*, явно исполняет функцию аориста, хотя на деле вполне тождественна с императивом, и стоит вместо „правильного“ *низведе*. Далее весьма характерной мне кажется фраза, которую мы находим под 6856-м годом в так наз. 1-ой Новгородской летописи¹⁾: *В то же время ночи загорися на Волосовъ улицѣ, на преставленіе Іоанна Богослова, и погорѣ улица Волосова не вся, Дыбрыня улица не вся же, а Пруская улица добръ горѣ, и церковь святая Богородица огорѣ, Чюдинцева улица и до поля, и Людогца, церквий деревяныхъ сгорѣ 4; а прѣже того, той же осень, загорѣся Фларевъ на Людогци улицы и сгори церковь одна въ обѣдь годѣ. Этот пример, по моему, доказывает, что писец вполне определённо знал „правильную“ форму аориста от глагола *-горѣти* (*погорѣ горѣ огорѣ сгорѣ загорѣся*), но если он тем не менее два раза употребляет рядом с правильными и неправильные (*загорися сгори*), совпадающие внешне с формой императива, то в этом отступлении следует видеть не ошибку, а скорее невольную уступку в пользу формы, свойственной живому языку самого писца²⁾. В данном случае, правда, следует считаться ещё с тем, что в севернорусском наречии очень распространено было диалектическое произношение *праслав. ѣ* как *і*. Уже Шахматов в „Очерке“³⁾, между прочим, приводил из древнерусских текстов 14—16-го вв. такие аористические формы: *хоти въсхоти* (вм. *-хотѣ*), *повелі* (вм. *повелѣ*), *оузри* (вм. *оузрѣ*) рядом с формами других лиц (*болихъ видихъ повелиши* и т. д.). В. Виноградов в „Исследованиях в области фонетики севернорусского наречия“⁴⁾ приводит подобные же формы из древнепсковских текстов 15-го века (*оузри призрі виюми възгреми*). Но эти факты не только не противоречат нашей мысли, но, напротив, подтверждают её, давая нам ещё один довод в пользу*

1) Новгородская летопись по синодальному харатейному списку (Петербург 1888), стр. 349.

2) Любопытно, что в Акад. и Толст. списках в указанных местах читаются правильные формы *загорѣся сгорѣ*.

3) А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка (= Энциклопедия слав. филологии, вып. XI : 1, Петроград 1923), стр. 193—194.

4) Известия ОРЯС., том XXIV : 2 (Петроград 1923), стр. 193—194.

возможности полного фонетического сближения форм аориста и императива у глаголов на *-ти*. В виду наших примеров мы уже в праве во многих случаях толковать и такие формы, которые могут быть в одинаковой мере и аористом и императивом, т.е. формы глаголов на *-ити*, как „аористические императивы“, если нет особо веских данных для предположения, что автор сознательно стремился к сохранению правильного, т.е. книжного аориста. Приведем одно место из „Повести о Горе и Злосчасти“ по рукописи начала 18-го века¹⁾: *Бывали люди у меня, Гора, ... и я ихъ, Горе, перемудрило: учинися имъ злосчастиѣ великое*. Подчёркнутая форма может быть и регулярным аористом и „аористическим“ императивом; но в виду полного отсутствия в нашем тексте форм аориста от глаголов с другой основой (не на *-и*), я предпочитаю видеть в ней императив. Возьмём ещё один пример из того же источника: *Вставалъ молодецъ на скоры ноги, стоя молодецъ закручинилъ, а самъ говоритъ таково слово... И въ тотъ часъ у быстры рѣки скочи Горе изъ-за камени*. Тут, по моему, также нет никаких особых причин видеть в форме *скочи* не императив, употреблённый в смысле аориста, а именно правильный аорист; мы с этим примером подходим уже совсем близко к новейшим временам и завязываем связь с примерами, приведёнными в начале этой работы: между фразой *Скочи Горе из-за камени* и фразой из „Конька-Горбунка“ *Вскочи ему на шею разницы*, разумеется, никакой нет. Весьма возможно — и это мне хотелось бы особо подчеркнуть, — что при постепенном переносе функций аориста на форму императива немало важную роль сыграли соответствующие формы глагола *случиться прилучиться*; среди наших примеров было немало таких, в которых форма *случись* играла роль как бы вводного слова, повествовательной формулы. При изучении разного рода русских „историй“ романического содержания оказывается, что они — при более или менее правильном употреблении аористов — изобилуют примерами использования вводной формулы указанного рода. Приведу ряд примеров: *И случися нѣкоему злодѣю прибѣчи на его дворъ и сохранилися ту,*

1) Цитирую по Русской хрестоматии Буслаева, стр. 339 и 341—342.

Повесть о Дракуле¹⁾; — Случися, какъ егда въ пятнадцати мѣсяхъ отъ тое горы быша, и поразише ихъ волна сильная, История о славномъ короле Брунцвике²⁾; — Прилучися же Брунцвику въ нѣкое время сниту съ горы, там же³⁾; — Случися же Брунцвику выидти на высокую гору, там же⁴⁾; — И случися ему ѣхати мимо брата Раимунда, История о Мелюзине⁵⁾; — Аще и благополучно уже плывуще, однако же случися мимо разбойническаго городна плыть, История о гишпанскомъ шляхтиче Долторне⁶⁾; — Въ нѣкое же время случися разныхъ государствъ купеческимъ тридцати кораблямъ мимо ихъ града плыти, там же⁷⁾. — По моему, не можетъ быть никакого сомнѣния в том, что форма *случись* хотя бы в цитате из басни Крылова *Случись*, что гребень затерялся вполне тождественна с вышеприведѣнными примерами и следовательно аористическаго происхожденія.

§ 12. Эти факты заставляютъ меня думать, что мы едва ли в правѣ ограничиться для объясненія случаевъ употребленія императива в смыслѣ прошедшаго времени в живом, народномъ русскомъ языкѣ предположеніемъ о ихъ сложно-эллиптическомъ характерѣ. На самомъ дѣлѣ придется видѣть в приведенныхъ выше из древнерусскихъ текстовъ, правда, далеко не многочисленныхъ примерахъ доказательства проникновенія в литературный языкъ такой черты, которая была свойственна именно современному этимъ текстамъ, живому русскому языку. Нужно следовательно допустить, что в живомъ русскомъ языкѣ, утратившемъ все остальные, исконныя формы аориста, всё же сохранилась до нашего времени „окаменѣвшая“ форма (2-го и) 3-го лица ед. числа, получившая функции всехъ остальныхъ лицъ за исключеніемъ 2-го лица ед. и мн. числа. Если сохранилась лишь эта форма, в то время какъ все остальные исчезли,

1) Цитирую по рукописи 15-го вѣка, напечатанной Буслаевымъ в Русской Хрестоматіи, изд. 10-е (Москва 1907), стр. 211.

2) Цитирую по изд. М. Петровскаго, ПДП. LXXV (Петербург 1888), стр. 33.

3) Там же, стр. 37.

4) Там же, стр. 39.

5) Цитирую по изд. ПДП. XLII—LX (Петербург 1882), стр. 106.

6) Цитирую по рукописи 18-го вѣка, изд. А. И. Пыпинымъ, ПДП. LXIV (Петербург 1887), стр. 13.

7) Там же, стр. 8.

то объясняется это именно тем консервирующим влиянием, которое исходило (благодаря совпадению с ней) от формы 2-го (и 3-го) лица ед. числа императива. Точно так же объясняется и распространение „окаменевшего“ аориста на все остальные лица ед. и мн. числа: и этот факт находит себе объяснение в том обстоятельстве, что 2-ое (и 3-ье) лицо ед. числа императива в живом русском языке может стоять вместо остальных лиц ед. и мн. числа. Если из этого правила нужно исключить 2-ое лицо ед. и мн. числа, т.-е. именно те лица, с которыми повелительное наклонение особенно тесно ассоциируется в нашем представлении, то и в этом нет ничего удивительного: формы 2-го лица ед. и 2-го лица мн. числа императива, употреблённые в смысле прошедшего времени с местоимениями *ты* и *вы*, слишком неразлучны с представлением повелительности. Впрочем, теоретически всё же случаи такого рода: *ты и шепни ему на ухо* или *вы и шепни ему на ухо* (в смысле *ты и шепнул*, *вы и шепнули*), по моему, мыслимы, хотя язык их повидимому избегает; во всяком случае мне не удалось найти примеров, подходящих под эту формулу. Если, наконец, только императив от глаголов сов. вида приобретает функцию своеобразного прошедшего времени, а императив от глаголов несов. вида не приобретает её¹⁾, то это имеет свою причину в том факте, что аорист вообще давно обнаруживает тенденцию к исключительному образованию от глаголов сов. вида и избегает глаголов несов. вида. Правда, Ю. Поливка в своей рецензии на книгу К. Мейера (*Historische grammatik d. russ. sprache*), помещённой в *Slavia*, т. II, стр. 718 и след., приводит следующую фразу из одной белорусской сказки: *Вот яны бися, дярися*; здесь перед нами как будто действительно формы „окаменевшего“ аориста от глаголов несов. вида. Но весьма вероятна догадка Поливки о том, что мы тут имеем дело с сознательным, хотя и неудачным подражанием церковнославянскому языку, в роде других, приводимых Поливкой там же примеров. К сожалению, Поливка не приводит контекста, в котором стоит приведённая им фраза. Мне в виду всего сказанного представляется неопровержимым, что мы в русском языке имеем вполне определённый, пережиточный

1) О случаях употребления императива от глаголов несов. вида в контексте форм прошедшего времени см. ниже, § 14.

след аориста. С чувством удовлетворения привожу поэтому мысль, высказанную и Шахматовым и подтверждающую авторитетно мой вывод: „В русском языке, быть может, в связи с потерей им форм аориста, в звуковом отношении близкие к аористу формы повелительного наклонения... получили значение прошедшего времени; такое их значение обусловило их сочетание с подлежащими; не уподобляясь им, оставаясь неизменяемыми формами, ... [они] являются в функции сказуемого“¹⁾.

§ 13. Допуская таким образом, что форма императива, выступая в роли сказуемого, не согласованного с подлежащим, и обозначая время прошедшее, по своему происхождению является формой аориста, мы всё-таки не в праве ограничиться таким определением значения императива-аориста. Ясно, что императив-аорист в предложении типа *Случись, что гребень затерялся* не тождествен с формой обычного прошедшего времени в предложении *Случилось, что гребень затерялся*; между этими предложениями ощущается довольно резкая разница; представление о том, как случилась потеря гребня, далеко не одно и то же. Стремясь ближе определить видовой характер императива-аориста, обыкновенно подчёркивают быстроту выражаемого им действия. Так уже Буслаев усматривал в нём „быстроту действия“ и „живость рассказа“²⁾. Подобным же образом Миклошич определял значение императива-аориста словами: „eine schnell vorübergehende, meist vergangene handlung“²⁾. Соболевский тоже думает²⁾, что наша форма служит „для обозначения быстро совершившегося действия“. Так же понимает наше явление Вондрак. Овсянико-Куликовский в своём „Синтаксисе“³⁾, не указывая даже на то, что наша форма обозначает действие совершившееся, видит в содержании её только оттенок „неожиданности, внезапности“. В изданном им и Сакулиным „Синтаксисе“⁴⁾ роль императива-

1) Шахматов, Синтаксис, § 190, т. I, стр. 165. Ср. там же § 231, т. I, стр. 189: „Возможно, что употребление (повелительного наклонения) в значении прошедшего вызвано влиянием аориста“.

2) См. выше § 4.

3) Синтаксис русского языка, изд. 2-ое (Петербург 1912), стр. 121.

4) Практический курс синтаксиса русского языка (Петербург 1912), стр. 198.

аориста определяется приблизительно так же: по их мнению он употребляется „для выражения неожиданности, необдуманности, быстроты действия“. Наконец, и Шахматов¹⁾ усматривает „значение более или менее внезапного наступления или проявления глагольного признака в прошедшем“, „значение внезапно наступившего прошедшего времени“, „особое видовое значение (обозначает мгновенное или неожиданное проявление действия)“. Все перечисленные определения кажутся мне не совсем точными. Чтобы получить вполне исчерпывающее определение нашей формы, необходимо сначала установить, какое значение следует приписать славянскому аористу. К сожалению, значение это ещё далеко не определено в науке. Лескин²⁾ находил возможным определить значение аориста в отличие от имперфекта следующим образом: „Das imperfekt stellt den andauernden verlauf einer handlung in der vergangenheit dar (es beschreibt), der aorist konstatiert nur, dass die handlung stattgefunden hat“. Вондрак³⁾ определяет значение аориста приблизительно так же („konstatiert zunächst eine tatsache, die in der vergangenheit stattgefunden hat“). Точно также Мейе в аористе видит „la forme employée pour raconter des événements passés“, „la forme qui sert à énoncer un fait passé“⁴⁾. Высказывались, однако, и иные мнения: так некоторые учёные⁵⁾ приписывают аористу видовое значение не длительности, однократности, моментальности, мгновенности; другие полагают, что аорист обозначал действие, начавшееся в прошлом⁶⁾; существует также мнение, что аорист просто

1) Синтаксис, § 90, вып. I, стр. 88, § 168, вып. I, стр. 154, § 562, вып. II, стр. 77.

2) Handbuch der altbulgarischen sprache, 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 172.

3) Vondrák, Altkirchenslavische grammatik, 2-ое изд. (Берлин 1912), стр. 584.

4) Meillet, Le slave commun (Париж 1924), стр. 207, 217. Ср. стр. 223.

5) Напр. С. М. Кульбакин, Древне-церковно-славянский язык (Харьков 1917), стр. 160. — Ср. также у Вондрака, в указ. труде, стр. 584, где аорист характеризуется как „eine punktuelle handlung in der vergangenheit“.

6) См. статью Яна Лося, Syntaktyczne użycie form gramatycznych в 3-м томе 3-ей части Encyklopedji Polskiej (Język polski i jego historia, часть 2, Краков 1915), стр. 156. Ср. также сборник „Gramatyka języka polskiego“ (Краков 1923), стр. 339.

был формой прошедшего времени совершенного вида¹⁾. Шахматов²⁾ определяет значение аориста так: „Древнейший аорист означал, как можно думать, прошедшее событие как факт, независимо от способа его проявления, т.-е. независимо от видовых различий“. Мне кажется, что с последним определением можно вполне согласиться, разве только присовокупив ещё, что значение аориста было также независимо от всякого отношения к моменту рассказа, отношения, как известно, получавшего своё выражение в перифрастическом сочетании причастия на *-lъ* с формой вспомогательного глагола. По мере того, однако, как в праславянском языке начало шириться последовательное деление глаголов на два видовых класса, а аорист вместе с тем стал ограничиваться классом глаголов сов. вида, последний приобретал значение результативного действия и отличался от формы сложного прошедшего оттенком однократности. В то время как формы типа *sъdělalъ jestь* обозначали действие, результат которого простирается до времени говорения, формы типа *sъdělaxъ* обозначали действие, пришедшее к результату, но не простирающееся до момента говорения. Отсутствие представления о длительности результата действия могло повлечь за собой возникновение представления о непродолжительности или мгновенности самого действия. Оттенок однократности, на который указывает впрочем и Шахматов, или — вернее — мгновенности, присущий нашей форме, может таким образом быть выведен из понятия аориста. Эта видовая особенность, следовательно, состоит не в быстром, неожиданном наступлении действия, а в мгновенном проявлении самого действия, в моментальном совпадении начала и конца этого действия. Но и такое определение ещё не исчерпывает всего содержания императива-аориста; при- входит ещё иной оттенок. В примерах такого типа: *Он ему и шепни на ухо, Он ему и скажи, Она возьми да поскользнись* ощущается кроме оттенка мгновенности действия (который мог бы быть выражен и просто посредством глагола однократного вида) ещё и элемент неожиданности, неумышленности, нечаянности действия; неожиданным или неумышленным оно является не только для говорящего лица, но и

1) Ср. Лосъ, *Gramatyka starosłowiańska* (Львов-Краков 1922), стр. 182
 2) Синтаксис, § 561, 562, вып. II, стр. 76, 77.

для самого субъекта действия. Мы имеем впечатление, что лицо действующее, субъект действия совершил его как бы помимо своей собственной воли, „по наитию“, „по воле судьбы“. Этот элемент независимости действия от воли действующего при известных условиях, в определённом контексте может приобретать оттенок предопределённости, неминуемости, неизбежности, рока, судьбы, случая и — так мне думается — должен быть отнесён на счёт семантического влияния императива. Постольку, поскольку наша форма по происхождению является аористом, этот элемент, конечно, является несущественным; но постольку, поскольку она совпадает в современном языке с формой императива, он необходимо привходит в силу понятной ассоциации. Присутствие этого особого элемента и объясняет вполне, почему Дельбрюк и Вондрак могли впасть в заблуждение относительно действительной сущности нашего явления.

§ 14. Явление наше характерно не только для русского языка, но встречается также и в некоторых других славянских языках. В польском и чешском оно, насколько мне известно, вполне отсутствует, но зато столь же обычно в языках южнославянской группы, и если наше объяснение его в русском языке правильно, то должно объясняться совершенно одинаковым способом и в них. Обратимся к фактам сербохорватского языка, особенно для нас поучительным. Я имею в виду предложения такого типа: *Kad stigoše neprijatelje, a oni u d r i na njih*, или *Uzme kamen i njim probije led, pa onda poteci za svetijem Arandelom*. Дальнейших примеров я тут приводить не буду, ибо могу отослать читателя к тем примерам, которые собрал в 4-ом томе своей „Vergleichende grammatik“ Миклошич¹⁾. Примеры такого же употребления императива приводит также Маретич в своём труде „Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika“²⁾. Нужно однако сделать одну существенную оговорку по поводу примеров, приводимых Миклошичем, а также и Маретичем. Если присмотреться к ним ближе, то приходится подчеркнуть, что они по содержанию и значению довольно явственно друг от друга разнятся. Мы находим у обоих авторов то же

1) См. стр. 795—796.

2) Загреб 1899; ср. стр. 607.

принципальное смешение случаев употребления императива от глаголов сов. вида с случаями употребления его от глаголов несов. вида, которое мною уже было отмечено выше по поводу рассуждений Мазона. Миклошич не заметил, что случаи употребления императива от глаголов несовершенного вида содержат иногда вполне определённый и существенный элемент повелительности или желательности; так, кажется, нужно толковать хотя бы следующий пример: *Ona skine s ruke svoji pletivači, a mi s konja svoje vreće, pa pini i mjeri, dok napunimo vreće*. Такой же элемент принуждённости, по моему, содержится в другой фразе: *Odmah njega stane vrućina obuzimati, a one ga sve vodom polivaj*. Эта фраза поддаётся прямому русскому переводу: *Станет его жар дожимать, а они его всё водой поливай*. Есть в южнославянских языках особенно многочисленные случаи употребления императива несов. вида (со словом *beži*), вполне аналогичные тому примеру из немецкого языка, который приведён мною в примечании на стр. 13, напр.: *Brže bolje spreme se na put, sednu na konje pa — beži*; тут не может быть никакого сомнения в том, что слово *beži* является выражением (правда, в виде „формулы“) обращения героев к самим себе. Не скрою, однако, что во многих случаях этот элемент или далеко не так ясно выражен, как в русском языке, или же даже совсем отсутствует. Так напр. в такой фразе: *Ona tri zmaja uteku i oni jazbinu; onda ova dvojica brže vuci slamu, pa — turaј i oni jazbinu, pa onde zapale, i tako sva tri zmaja onde propadnu* императивы *vuci* и *turaј*, насколько я могу судить, не являются столь же несомненной формой и функцией повелительного наклонения как напр. императив в русской фразе *Жена пошла гулять, а я переписывай бумаги*. Нужно заметить, что случаи такого употребления формы императива от глагола несов. вида вместо прошедшего времени хотя и очень редки, но всё-таки встречаются и в русском языке. Мне самому не случалось записывать их, но у Шахматова¹⁾ я нахожу четыре следующих примера из северновеликорусских сказок: *Микита шим-шим, выбрался, убежал и бежи не стой*; — *Тогда Фёдор-царевич захватил сосну в охапку, выдернул со корнем, сорвал все струны и тащи ко своей шлюпке и отправился за синё море*; — *Шоу, шоу, по па да й*

1) В указ. труде, вып. I, стр. 192.

ему собака стрит; — Над хозяином распоряжается, так тот только успевай подскакивать. Не скрою, что примеры эти кажутся мне неравноценными; так последний мало чем разнится от предложений типа *Жена пошла гулять (гуляет), а я переписывай бумаги*. В первом примере я усматриваю прямое обращение рассказчика к своему герою Миките с императивным советом. Но в остальных двух примерах едва ли можно отрицать факт употребления императива несов. вида в смысле прошедшего времени. Однако, его нетрудно объяснить как результат контаминации *praesens historicum* с императивом-аористом¹⁾, причём имеет своё значение, вероятно, и тот факт, что нередко императиву действительно предшествует в том же предложении форма *praesens historicum*. Во всяком случае следует, по моему, рассматривать случаи употребления императива от глаголов несов. вида в значении прошедшего времени как секундарные, а первичными считать случаи такого же употребления императива от глаголов сов. вида. Под влиянием последних, вероятно, начали проникать, изредка в русский, чаще в сербохорватский язык и случаи первого рода. Что же касается употребления императива от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени, то их, по моему, в сербохорватском языке следует объяснять совершенно так же, как и в русском. На интересующее нас явление неоднократно указывалось в грамматиках сербохорватского языка как на нечто весьма обычное. Решетар в своей грамматике²⁾ правильно указывает, что „die 2te person sing. des imperativs ersetzt in der volkssprache... bei lebhafter erzählung ein tempus der vergangenheit der 1ten oder 3ten person“. Мейе и Вальян в своей грамматике³⁾, очевидно просто по недосмотру, допускают, что форма императива „peut dans le récit animé servir de substitut à différentes personnes du présent“. Я, впрочем, вычеркнул бы слова „lebhaft“ и „animé“, так как существенным условием является рассказ как таковой, а живость его уже является результатом употребления императива в смысле прошедшего

1) Едва ли можно тут сослаться на то, что аорист исконно мог быть образован и от глагола несов. вида.

2) M. Rešetar, *Elementar-grammatik der kroatischen (serbischen) sprache* (Загреб 1922), стр. 178.

3) Meillet-Vaillant, *Grammaire de la langue serbo-croate* (Париж 1924), стр. 171.

времени, не условием его. Кроме того я сузил бы круг фактической силы правила указанием на то, что в общем совершенный вид глагола является условием употребления императива в смысле аориста.

§ 15. Итак я полагаю, что употребление императива в значении прошедшего времени в сербохорватском языке явление вполне однородное с тем, которое мы только что установили в русском языке. Едва ли поэтому можно допустить, чтобы оно имело иные причины в сербохорватском языке, чем в русском. Раз императив, употребляемый в последнем в функции прошедшего времени, является пережиточным, „окаменевшим“ аористом, отождествлённым в силу внешнего совпадения с формой императива, то, следовательно, приходится объяснять его в сербохорватском языке точно так же. Но тут мы наталкиваемся как будто на значительные трудности. Условием для перенесения категории аориста на формы императива в русском языке, для отождествления формы аориста с формой императива, я в своей аргументации считал исчезновение из обихода русского живого языка форм аориста. При отсутствии этого условия, т.-е. если формы аориста в живом языке не утрачены, казалось бы, не могло быть повода к перенесению значения и функции аориста на форму императива. Так в древнеболгарском языке, сохранявшем в нетронутой чистоте систему так наз. простых прошедших, нет примеров употребления императива в значении аориста и — надо думать — быть не могло. Почему же в таком случае в сербохорватском языке, также сохранившем вплоть до наших дней систему аориста, всё-таки произошло такое отождествление аориста с императивом? Это противоречие на самом деле, однако, только кажущееся. Прежде всего нужно подчеркнуть аналогичный с русским факт, что употребление формы императива в значении прош. времени черта, свойственная только языку простонародному, не-литературному. Маретич в выше указанном труде¹⁾ поэтому подчёркивает: „Književni jezik ne treba na to da gleda i u njemu neka se zapov. način (т.-е. повел. накл.) za prošlost ne upotrebljava“ — за незначительными исключениями. Причины этого непризнания императива как формы прошедшего времени со стороны литературного языка

1) Gram. i stil., стр. 607.

в сербохорватском, по существу, несколько иные чем в русском языке: русский литературный язык отказывается от такого употребления императива, считая его „неправильным“, — точно так же как и многие иные черты простонародного языка не признаются языком литературным; в сербохорватском литературном языке, знающем и употребляющем формы аориста, употребление „императивных“ форм оказывается совершенно излишним. Важным для нас является ещё то обстоятельство, что и в народной сербохорватской речи употребление формы императива вместо аориста встречается далеко не всюду. Во-первых, оно, по свидетельству Маретича¹⁾, никогда не встречается в исторических песнях; в этом ничего удивительного нет, так как песни сохраняют старинный и „правильный“ склад речи гораздо строже²⁾ чем народные сказки, в которых указанное употребление императива вполне установлено. Во-вторых, по свидетельству того же автора, императив в аористическом значении употребляется только редко в северных и восточных областях сербохорватской языковой территории, но зато особенно часто встречается в южных областях („U južnijem krajevima i u običnom se govoru 2. lice jedn. zapov. načina veoma često uzima za prošle događaje, i to ne samo u glavnim, nego i u zavisnim (vremenskim) rečenima“). Этот факт приходится сопоставить с другим, весьма любопытным явлением: подобно „аористическому“ императиву и самый аорист ограничивается именно южными областями. Известно, что в сербохорватском языке формы простых прошедших (аориста и имперфекта) обнаруживают определённую тенденцию к исчезновению из живой речи; их место занимают формы прошедшего описательного; тенденция эта проникает и в книжный язык³⁾. Но проявляя себя в остальных краях, эта тенденция не затрагивает южных. Маретич⁴⁾ говорит следующее: „U južnijem krajevima ovaj se oblik (т.-е. аорист) kao i 2 predašnje vrijeme (т.-е. имперфект) mnogo upotrebljava i u običnome govoru, a u ostalijem krajevima slabo“. Следовательно перед нами факт, обратный данным русского языка: употребление императива в значении прошедшего времени не только

1) См. там же.

2) См. там же, стр. 598.

3) Ср. Meillet-Vaillant, Grammaire, стр. 174, 178.

4) Gram. i stil., стр. 598.

не является результатом исчезновения форм аориста, а очевидно, наоборот, как бы стоит в зависимости от сохранения их. Это обстоятельство нужно, вероятно, объяснять следующим образом: исчезновению форм аориста может сопутствовать и полная утрата самой категории аориста: — это мы наблюдаем в тех сербохорватских наречиях, в которых теряется форма аориста без перенесения категории её на форму императива. Но исчезновение форм аориста может и не сопровождаться потерей категории: — тогда последняя переносится на иную, близкую форму, напр. императив, что и наблюдается в русском языке. Наконец, возможен ещё третий случай, случай начинающегося исчезновения аориста и параллельного переноса его функций на форму императива: — это явление, по моему, мы и находим в южных наречиях сербохорватского языка, в которых рядом встречается и употребление „правильных“, т.е. унаследованных из праславянского языка форм аориста и употребление императива в значении аориста.

§ 16. Для того, чтобы вполне понять процесс отождествления в сербохорватском языке формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения со 2-м и 3-м лицом ед. числа аориста, нужно обратить должное внимание и на условия количества, ударения и интонации в системе аориста и императива. Не следует, первым делом, смущаться тем, что даже при глаголах с основой на *-i-* между формой императива и аориста оставалась весьма существенная разница именно в количестве, ударении и интонации; это сразу же видно из сопоставления форм императива и аориста от случайно выхваченных сербохорватских глаголов на *-i-*, напр. от глаголов *gàziti bèsjediti lòmiti trùbiti pàmtili hvàliti nòsiti govòriti*: императив имеет следующую форму: *gàzi bèsjedi lòmi trùbi pàmli hvàli nòsi govòri*¹⁾, а аорист звучит так: *gàzi bèsjedi lòmì trùbi pàmti hvàli nòsi govòri*. Нужно, однако, помнить, что 2-ое и 3-ье лица ед. числа аориста по отношению к количеству, ударению и интонации резко отличаются от всех остальных форм того же аориста²⁾. В то время, как все лица аориста,

1) Ср. у Лескина, *Grammatik der serbokroatischen sprache* (Гейдельберг 1914), стр. 551.

2) Ср. рассуждение Лескина в *ASPh.* XXIII, стр. 567, 568.

за исключением именно 2-го и 3-го лица ед. числа, имеют то же ударение и ту же интонацию, что и неопределённое наклонение, 2-ое и 3-ье лицо в этом отношении до известной степени совпадают с настоящим временем¹⁾; кроме того, количество гласной в окончании этих лиц отличается своей долготой от той же (краткой) гласной в окончаниях остальных лиц аориста. Эта разница ощущалась так сильно, что в некоторых случаях 2-ое и 3-ье лицо ед. числа аориста (от глаголов на *-*ěti*, от части глаголов на *-nuti -ati*) даже начали ассимилироваться с остальными лицами аориста²⁾. Но кроме того могло произойти иное уподобление: дело в том, что система ударения и интонации при глаголах на *-iti* совпадала во всех формах аориста, за исключением 2-го и 3-го лица ед. числа, с ударением и интонацией 2-го лица императива: если взять те же глаголы, то рядом с императивами *gāzi bēsjeti lōmī trūbi pāmī hvālī nōsī govōrī* будут стоять следующие формы аориста: *gāzih, gāzismo, gāziste, gāziše*, далее *bēsjedih lōmih trūbih pāmīhvālīh nōsīhvōrīh*. Большое значение тут имеет несомненно и тот факт, что гласная *i* окончания и тут и там кратка, в то время как во 2-м и 3-м л. ед. ч. аориста мы имеем долгое *i*. Разница между ударением 2-го и 3-го лица ед. числа и остальными формами аориста будет еще резче при глаголах, снабженных приставкою (напр. *pōgazih : pōgazi prōbēsjedih : prōbēsjeti zālōmīh : zālōmī ūpāmīh : ūpāmī pohvālīh : pōhvālī dōnōsīh : dōnōsī pogovōrīh : pōgovōrī*), а сходство формы императива с остальными формами аориста во многих случаях полное. Для нас, конечно, наиболее важны эти глаголы, так как в сербохорватском языке аорист образуется преимущественно от глаголов сов. вида, т.е. главным образом именно от глаголов с приставкой³⁾. Мне в виду вышесказанного и кажется, что замена форм аориста императивом произошла на почве звукового сходства их, причём можно предположить, что сначала произошло уподобление 2-го и 3-го лица ед. числа остальным лицам аориста, а затем уже отождествление первых с формой императива, т.е. тот же самый процесс, который мы предполагали и для русского языка. Кроме того можно указать ещё на одно обстоятельство, вероятно сильно способство-

1) Ср. Meillet, Le slave commun, стр. 212.

2) Ср. статью ван-Вейка в RES. III, стр. 45.

3) Ср. Решетар, Elementar-grammatik, стр. 112.

вавшее указанному процессу: дело в том, что в 1-ом лице ед. числа аориста конечное *-h* в большинстве сербохорватских говоров совсем не произносится¹⁾; Вук Караджич, например, в первых своих произведениях даже совсем опускал указанную букву²⁾. Вследствие этого во многих случаях форма 1-го лица ед. числа совершенно совпадала с формой императива. Этим, вероятно, объясняется и то, что последняя форма, с которой совпали первые 3 лица ед. числа аориста, была перенесена и на остальные лица, причём однако делалось исключение для 2-го лица ед. и мн. числа, очевидно, в виду слишком подчёркнутого повелительного характера их. Весь этот процесс имел место первоначально у глаголов на *-iti*, а потом распространился и на все остальные глагольные классы.

§ 17. Я уверен в том, что моё объяснение интересующего нас явления ничего необычайного не содержит. Процесс замещения исконных форм какого-либо данного времени формами совершенно иного глагольного порядка (вернее: отождествление и совпадение первых с последними или перенесение функций первых на вторые) встречается в истории языка нередко. Вспомним хотя бы об императивном происхождении форм 2-го лица наст.(-буд.) времени *дашь* (= *дажь*), *ешь* (= *ъжь*), заменивших очень рано изолированные в русском языке формы *даси ѡси*, или о таком же происхождении форм *дадим*: *дадите едим*: *едите*, заменивших столь же необычайные исконные формы *дамъ*: *дасте ѡмъ*: *ѡсте*³⁾. Ещё более близким к нашему явлению можно считать процесс образования современного русского условного (сослагательного) наклонения с помощью „частицы“ *бы*. Как известно, в древнерусских текстах не сохранились исконные формы сослагательного наклонения *бѣтъ*: *бѣ*: *бѣтъ* и т. д.; в древнерусском языке они заменены формами аориста *быхъ*: *бы*: *быхомъ* и т. д., сохранившимися в грамотах смоленских и западнорусских вплоть до 14—15-го века⁴⁾. Но уже с 13-го века — как впрочем и в других сла-

1) Cp. O. Broch, Slavische phonetik, стр. 98; A. Leskien, Serbokroat. grammatik, стр. 34.

2) Cp. Meillet-Vaillant, Grammaire, стр. 14.

3) Cp. Соболевский, Лекции, стр. 246—247; Мейер, Hist. Gramm., стр. 188.

4) См. у Соболевского в Лекциях, стр. 244. Дурново, Очерк истории русского языка (Москва 1924), стр. 326, 328.

вянских языках — замечается утрата спряжения указанных форм и замена их (для всех остальных лиц) „окаменевшей“ формой 2-го и 3-го лица ед. числа *бы*. Процесс этот до некоторой степени тождествен с рассмотренным нами явлением и может служить доказательством правильности нашего взгляда.

II.

§ 18. В польском (как и вообще, кажется, во всех западнославянских языках) мы — в противоположность русскому и южнославянским языкам — не находим интересующего нас явления переноса функций аориста на императивную форму. Правда, Миклошич¹⁾, а вслед за ним и Вондрак²⁾ приводят один (единственный) пример такого употребления императива. Пример этот взят из известного словаря Линде³⁾ и гласит следующим образом: *Pędzi przez zwierzyńiec, a za nim caraj, żaraj, ścinaj, dołóż, dwie smycze chartów...* Пример этот приведён из одной польской комедии 18-го века и ровно ничего не доказывает. Как уже замечено самим Линде, мы в данном случае отнюдь не имеем глагольных форм повелительного наклонения, а просто имена-клички псов, образованные от императивов: *Caraj, Żaraj, Ścinaj, Dołóż*. В подтверждение этого мнения я могу сослаться на любопытный пример таких кличек-императивов, найденный мною в одной иезуитской комедии первой половины 17-го века под заглавием „Odostratocles“⁴⁾: в польской охотничьей песенке, распеваемой разбойниками в 4-м акте, встречается такое место: *Słysz, Matisku, a tu! wara! do charapu! Stań tu para, Panie z Lotką! A tu, Powadz! A tu, Pyszna! A tu, Rozwadz! Sam, sam, Szaszku białoboki!*... Ясно, что *Powadz* и *Rozwadz* клички псов. Невольно вспоминаешь вполне аналогичное место из 4-ой главы „Мёртвых душ“ Гоголя: *Тут были все клички, все повелительные наклонения: Стреляй, Обружай, Порхай, Скосырь, Черкай, Донекай,*

1) В указ. труде, стр. 797.

2) Vergl. slav. gramm., т. II, стр. 282; так же ещё и во 2-ом изд., стр. 396.

3) S. B. Linde, Słownik języka polskiego, т. I, стр. 478.

4) Комедия эта содержится в рукописи R 380, хранящейся в университетской библиотеке в Упсале.

Припекай. Гоголь в данном случае воспользовался матерьялом, полученным им из авторитетного источника, от С. Т. Аксакова. В записной книжке 1841—42 гг. Гоголь кроме указанных отметил ещё следующие клички: *Дерзай*, *Докучай*, *Помыкай*. Вспомним также *старого кобеля Карая и красного Ругая* в „Войне и Мире“ Толстого (II:IV:V, VI) и *Откатая*, *Запрягая*, *Угадай* в „Предложении“ Чехова (ср. 6). — Нас не должно удивлять то обстоятельство, что простонародный (а тем более книжный) польский язык не знает интересующей нас особенности, столь известной в русском, а также в сербохорватском языке. Объясняется это, конечно, не сохранением аориста, ибо исчез он и в польском языке, и утрата его могла бы как и в русском только способствовать „смешению“ аориста с императивом. Так наз. „*czas przeszły chwilowy*“, как (не совсем точно) называют аорист польские грамматики, в древнейших памятниках польского языка встречается очень редко¹⁾. Встречается он в „*Kazaniach świętokrzyskich*“ начала 14-го века в виде форм *ydehę pospefihę zaplacahe vzdahę*²⁾. Сохранился он на территории польского языка вплоть до начала 15-го века³⁾. Но уже раньше, а самое позднее одновременно, формы аориста быстро шли на убыль и в конце концов совершенно исчезли. Если при этом функции аориста не были, как в русском и сербохорватском языках, перенесены на формы императива, то помешало этому иное явление. Я не буду искать причины в том, что императив в польском языке уже рано начал утрачивать своё окончание *-i*, что значительно затрудняло бы отождествление с ним 2-го и 3-го лица ед. числа аориста. Розвадовский⁴⁾ на основании данных Флорианской псалтыри пришел к выводу, что утрата окончания *-i* в повелительном наклонении началась с тех форм, которые имели исконное ударение не на окончании *-i*, а с них рас-

1) Ср. А. Kryński, Gramatyka języka polskiego, 4-ое изд. (Варшава 1907), стр. 208.

2) Ср. P. Diels, Die altpolnischen predigten aus Heiligenkreuz (Берлин 1921), стр. 20, 21.

3) Ср. статью Лося в сборнике Język polski i jego historia, т. II [= Encyklopedia polska III] (Краков 1915), стр. 156; — Брюкнер, Dzieje języka polskiego, 3-ье изд. (Краков 1925), стр. 145.

4) В статье в выше указанном сборнике, т. I [= Encyklopedia polska II] (Краков 1915), стр. 300—302.

пространилось и на остальные, причём известную роль сыграл процесс фиксации ударения на предпоследнем слоге. Лось допускает кроме того влияние известных морфологических факторов¹⁾.

§ 19. Перенесению функций аориста на формы императива помешало, по моему, перенесение их на формы настоящего-будущего времени от глаголов сов. вида, каковому перенесению, по мнению некоторых учёных, сильно должен был способствовать с одной стороны общеизвестный факт употребления форм настоящего времени от глаголов несов. вида в смысле *praesens historicum*, а с другой стороны м. б. способствовал известный и из иных языков (напр. литовского и латышского) факт употребления будущего времени в смысле прошедшего „исторического“. Не скрою однако, что я не вполне уверен в том, имеем ли мы право допускать фактическое (исключное) существование в славянских языках такого *futurum historicum* или *praesens historicum* сов. вида. Мне кажется допустимым предположение, что употребление форм настоящего времени от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени всецело объяснимо из переноса функций аориста на формы указанного времени в силу их внешней (звуковой) тождественности в известных случаях. Исходя из таких случаев, когда в польском языке формы аориста совпадали вполне с формами наст. времени от глаголов сов. вида, это отождествление форм различного порядка (облегчаемое, конечно, фиксацией ударения на предпоследнем слоге) быстро распространилось и на такие случаи, в которых эти формы никогда не совпадали. Мысль о таком происхождении употребления форм настоящего времени от глаголов сов. вида впервые была высказана польским учёным Крыньским в его польской грамматике и поддерживается им и донныне²⁾. Способ этот мы находим не только в живом народном, но также и в книжном польском языке. Особенно любопытно при этом то, что в современной литературе такие „аористические“ формы наст. времени сов. вида, очевидно, имеют особый оттенок архаичности; это могло бы послужить доводом в пользу того, что мы

1) *Gramatyka polska*, т. I (Краков 1922), стр. 15.

2) А. Крыньский, *Gramatyka języka polskiego*, 4-ое изд. (Варшава 1907), стр. 208. Ср. сборник *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 97.

тут имеем дело не с простым *praesens* (или *futurum*) *historicum*, а с явлением, унаследованным из древности и чуждым теперь живому языку. Крыньский в своей грамматике приводит целый ряд примеров, доказывающих, что это „смешение“ явление очень древнее, и что развитие его идёт параллельно с процессом утраты форм аориста. Из так наз. Шарошпатакской библии (или библии королевы Софии), переведённой на польский язык в половине 15-го века¹⁾, Крыньский приводит такой пример: *Oblekt biskupa w gźto lniane i opasze jį pasem, a oblesze w suknią modrą a s wirzchu naplesnik położy*. Из того же памятника Огоновский²⁾ привёл еще целый ряд форм (в особенности 3-го лица ед. числа) настоящего времени от глаголов сов. вида, употреблённых вместо соответствующих форм прошедшего, напр. *zaryge sze* (*zarije się*), *uczyeczye* (*uciesze*), *seymie* (*zejmie*), *lyęnknye sye* (*lęknie się*), *dotkne* (*dotknie*), *przelege* (*przeleje*), *nalazu* (*nalaza*)³⁾. В других случаях сохранены ещё формы „правильного“ аориста, напр.: *wnydze* (*wnidzie*), *poydze* (*pójdzie*), *robų* (*robi*), *sydze sye* (*s-idzie się*)⁴⁾. Ещё другие примеры из того же памятника (напр. *paydze* 'invenerunt', *pochwały* 'glorificabant', *ucziny* 'fecerunt' и т. д.), с любопытным употреблением ед. числа вместо множественного, приводит в своих критических заметках Семенович в Архиве Ягича⁵⁾. Мы, очевидно, имеем перед собой памятник, написанный как раз в тот момент истории польского языка, когда происходит скрещение и отождествление формы 3-го лица ед. числа аориста с соответствующей формой настоящего времени. Из памятников литературы позднейших эпох нетрудно привести разнообразный ряд примеров „аористической“ функции форм настоящего времени от глаголов сов. вида. Во „фрашке“ Веспазяна Коховского „Zgrzytanie zębów“ (1674) мы напр. читаем такое четверостишие: *Pytała baba księdza, uprzykrzona srodze, na zbawiennej li ona czy zgubionej drodze? Ksiądz rzecze: „Rozdziew gębę!“ Że zębów nie miała: „Nie będziesz“ — prawi — „w*

1) Ср. Лосъ, *Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543* (Краков 1915), стр. 183.

2) ASPh. IV, стр. 370.

3) Впрочем такие формы как *uciesze* могут рассматриваться и просто как сохранившиеся формы аориста.

4) Там же, стр. 269.

5) ASPh. IX, стр. 576.

piekle. Czemżebyś zgrzytała?" Именно эта форма *rzecze* от глагола *rzec*: *rzeknę* встречается очень часто в аористической функции. Крыньский из стихотворения Шимоновица приводит такую цитату: *A starzec rozśmiałwszy się rzecze*. Другие примеры тот же Крыньский приводит из „Szachów“ Яна Кохановского (*W tym drab przyskoczy, król ustąpi kroku; przypadłszy drugi poimał ji z boku*), из „Освобождённого Иерусалима“ в польском переводе Петра Кохановского (*Ta moja ręka ... w tym ją wyniesie, ona wyniesiona spadając z góry przecięła do kości*), из „Превращений“ Жебровского (*Rzekszy strzeli do Cygna, nie nie uszło drzewo*), из „Войны Хотимской“ Потоцкого и т. д. Из новой польской литературы нетрудно будет привести богатый материал для иллюстрации употребления форм настоящего (будущего) времени сов. вида в смысле прошедшего. Ограничиваюсь приведением нескольких мест из „Гражну“ Мицкевича, изобилующей особенно яркими случаями нашего типа. Так на стр. 27 издания Калленбаха¹⁾ мы читаем следующие стихи: *Tam gdy litewskie wymknęły się rotę, ujrzą wśród góry przy blasku księżyca zbroje, chorągwie, szyszaki i grotę. Błysnęło, zagrzmi na hasło rusznica...* На стр. 29 мы находим то же самое явление: *Czuając Krzyżacy tak słabe natarcie, odzyszcza serce; z okropnym hałasem nawróca czoła, potkną się zażarcie i gęstym włocznictwem otoczą go lasem*. То же самое видим на стр. 34: *Nakoniec radość skrzepły głos rozwiąże oplakanego widząc bohatera; wrzasną i klasną, wrzask o gwiazdy bije: „Litawor żyje! Książę, pan nasz żyje!“* Первый (по времени) датский славист Смит уже давно отметил интересное нас явление в своей прекрасной, хотя теперь конечно уж устарелой грамматике польского языка²⁾ и привёл примеры из Бельского (*Hajducy po prawej stronie do nich z rusznic uderzą, a jazda po lewej kopijami w nie zawadza*) и из Кохановского („*Tom dawno stuchał, Borzuj na to po wie*“); он видел в нём только „historisches präsens in lebhafter erzählung“, но вместе с тем считал его чертой, присущей особенно древнепольскому языку, и встретив его и у Мицкевича, определил его как „poetischer archaismus“. Действительно, особенно часто употребляемый в „Гражине“ приём подчёркивает архаический

1) A. Mickiewicz, Pisma, т. II (Броды 1911).

2) C. W. Smith, Grammatik der polnischen sprache, 2-ое изд. (Берлин 1864), стр. 230.

тон этого эпического рассказа. Важнее, однако, другое обстоятельство. В „Пане Тадеуше“ того же Мицкевича указанный приём в силу совершенно иного характера идиллического рассказа был бы не на месте. Мы в общем поэтому и не встречаем его в этой поэме. Если мы тем не менее наталкиваемся на такие места: *Gracz szarak! Skoro poczuł wszystkie charty w kupie, pstręk naprawo koziołka! Z nim w prawo psy głupie, a on znowu fajt wlewo! jak wytnie dwa susy!* (песня I, стихи 702—704) или: *Chybili. Niedzwiedź skoczył, oni tuż utkwiony oszczep jeden chwycili czterema ramiony, wydzielali go sobie. Spojrzą, aż tu z pyska wielkiego czerwonego dwa rzędy kłów błyska!* (песня IV, стихи 640—643), то объясняется это тем, что медленное эпическое течение рассказа именно в этих местах прерывается историческим пересказом быстро сменявшихся друг друга событий. Разница между тоном рассказа в „Гражине“ и в „Пане Тадеуше“ именно и сводится к тому, что „Гражина“, совершенно отрывая нас от нашего собственного времени, заставляет нас эмоционально переживать в прошедшем темп самих повествуемых бурных событий, а в „Пане Тадеуше“ автор всё время соблюдает спокойно-идиллическое отношение к медленно происходившему: в „Гражине“ его стремление состоит в том, чтобы выявить внутренний характер событий, способ их проявления самого по себе; наоборот, в „Пане Тадеуше“ такого стремления нет: здесь интерес сосредоточивается на простом чередовании событий, на их внешнем, объективном течении.

§ 20. Желая дать объяснение, каким образом могло произойти распространение „смешения“ аориста с настоящим (будущим) временем сов. вида с таких случаев, когда они формально совпадали (при глаголах на *-e-|o-* и на *-i-*), на такие, где совпадения не было, Крынский совершенно правильно полагает, что форма 3-го лица ед. числа сыграла решающую роль. При этом распространение данного явления шло двумя путями: 1) путём „użycia w podobny sposób form osoby 3-ej słów innych“, т. е. таких глаголов, „których czas teraźniejszy różnił się od aorystu“ (напр. *padnie, krzyknie* и т. д.), а 2) путём „analogicznego używania innych osób czasu teraźniejszego słów dokonanych zamiast zamierającego aorystu“. Что мы в данном случае имеем дело не с простым употреблением настоящего (или будущего) времени в смысле прошедшего, видно из того, что

между формами *strzelil* и *strzeli*, *ujrzeli* и *ujrzą* и т. д. ощущается некоторая существенная разница в значении. В чём же состоит особый оттенок значения таких форм как *strzeli* *ujrzą*? Крынский определяет его таким образом: „W dzisiejszym języku formy od słów dokonanych jak *rzecze wyniesie wyjedzie zaświeci położy ustąpi* itp. są szczątkami dawnego aorystu i oznaczają, że czynność zaraz po jej rozpoczęciu dokonana została“¹⁾. Предложенное Крынским объяснение нашего явления противоречит обычному способу объяснения его; как известно, Миклошич видел в нём след исконной функции настоящего времени, не получившего еще в силу влияния приставки на вид глагола значение будущего времени, другими словами — след исконной функции *praesens historicum*. Об иных попытках толкования нашего явления речь ещё впереди (ср. § 24). Мне, однако, уже здесь хотелось бы сказать, что гипотеза Крынского мне кажется чрезвычайно правдоподобной; если остальные объяснения, может быть, и содержат долю истины, то во всяком случае не приходится ради них отказываться от объяснения Крынского. Дело в том, что выдвинутые против него доводы оказываются несостоятельными. В своей рецензии на книгу Крынского²⁾ Гейльперн, хотя и признаёт правильность утверждений первого по отношению к таким формам как *oblecze obaczy przyskoczy ustąpi*, в которых и он видит сохранившиеся остатки древнего аориста („überreste des aorists“) от глаголов с основой на *-e-|o-* и *-i-*, но всё-таки выражает сомнение в том, являются ли и формы типа *padnie krzyknie zagrzmie*, т.-е. формы, не совпадающие и никогда не совпадавшие с „правильным“ аористом, действительно аористическими формами, образованными по аналогии с формами выше приведённого типа. Он склонен предложить другое толкование: подчёркивая, что формы эти обыкновенно употребляются в теснейшей связи со словами *nagle wtem* и т. д. и таким образом выражают факт, совершившийся вдруг, неожиданно, он высказывает догадку, что их следует толковать как новообразования по примеру латинского *praesens historicum*, в особенности в виду того, что совершенный вид, в котором они употребляются, как нельзя лучше подходит к живости

1) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 97.

2) *ASPh.* XXVI, стр. 442.

рассказа („lebhafte schilderung“). Не останавливаясь на том, что выражение „живой рассказ“ неудачно (вернее другое выражение Гейльперна: „schilderung der lebhaftigkeit“), я, во-первых, укажу на то, что если можно или нужно видеть своего рода *praesens historicum* в формах типа *radnie*, то следует из этого сделать тот необходимый вывод, что и формы типа *oblecze* и т. д. также являются не формами аориста, а формами *praesens historicum*. Допуская же, что в последних формах сохранился древний, пережиточный аорист, а в первых нет, Гейльперн в сущности был обязан ответить на вопрос, почему глаголы на *-i-* и *-e-|o-* сохранили аористические формы после фактической утраты аориста, а глаголы остальных типов не сохранили их. Единственный ответ, возможный в данном случае, заключался бы в том, что аористы типа *oblecze ustapi* обязаны своим сохранением тождественности их с соответствующими формами настоящего времени, т.-е. Гейльперн был бы принуждён сослаться на возможность формального соприкосновения аориста с настоящим временем. От такой фактической, внешней тождественности, конечно, только один шаг и к внутреннему отождествлению. Что касается словечек *nagle*, *wtem* и т. д., на которые указывает Гейльперн, то они, конечно, имеют самостоятельную функцию и, если и придают рассказу живость, то всё же не являются обязательными спутниками наших форм; они исполняли бы ту же самую функцию при любом другом глагольном времени. Они, другими словами, привносят только элемент неожиданности, значение же наших форм состоит собственно не в том, что действие наступило вдруг или неожиданно, а — как указал уже Крынский — в том, что оно продолжалось одно мгновение. А эта мгновенность в значении наших форм только может подтвердить наше мнение об аористическом происхождении их: мы уже выше выводили этот оттенок непосредственно из понятия аориста (ср. § 13). Наконец, понимание этих форм как *praesens historicum*, мне кажется, недопустимо ещё и потому, что действительное *praesens historicum* — в силу того определения, которое даётся ему в грамматике латинского языка¹⁾, — основано на психологическом факте перенесения прошедших

1) Основываюсь на знаменитом труде датского филолога Мадвига, *Latinsk ordforjningslære*, 4-ое изд. (Копенгаген 1895), § 336.

событий в настоящее время (или на факте отождествления времени передаваемых событий со временем пересказа их). В наших же примерах такого перенесения не только нет, но и быть не может, просто потому, что форма настоящего времени от глаголов сов. вида исполняет функции будущего времени. Поэтому можно было бы говорить только о своего рода *futurum historicum*, т. е. о перенесении событий прошедших в будущее время. Как мы увидим ниже, так наше явление и понимается некоторыми учёными, но скажу уже здесь, что и это объяснение мне кажется едва ли мотивированным; во всяком случае оттенок мгновенности, присущий нашему явлению, из понятия *futurum historicum* вывести будет очень трудно.

§ 21. Ко мнению Крыньского примкнул м. пр. такой авторитет, как Бодуэн-де-Куртенэ. В своём пособии для изучения польского языка¹⁾ он высказался след. образом: „От аориста остались следы и пережиточные формы... Польские глагольные формы однократного вида, считаемые обыкновенно будущим временем (*futurum*), совпадают отчасти с формами древнего аориста и в рассказах могут играть роль этого времени. Напр.: *rzecze skoczy krzyknie...*“ Однако Лось в своей статье „*Syntaktyczne użycie form gramatycznych*“²⁾ выдвигает против объяснения Крыньского, которое им всецело отклоняется, другой довод: „*Objaśnieniu temu przeczy fakt, że funkcja ta znana jest wszystkim językom słowiańskim, nawet tym, w których nigdy żadna forma aorystu nie była podobna do żadnej formy czasu teraźniejszego, a zatem przyczyna ukazania się tej funkcji musi być inna*“. Не останавливаясь на том, что утверждение это сформулировано не совсем правильно³⁾, я, конечно, признаю, что указание Лося само по себе справедливо: употребление форм настоящего (будущего) времени от глаголов сов. вида известно и в других славянских языках. Лось, вероятно, имеет в виду прежде всего русский язык, сохранивший в 3-ем лице ед. ч. наст. времени окончание *-тъ*, вследствие чего,

1) И. Бодуэн-де-Куртенэ, Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским (Петербург 1912), стр. 29.

2) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 158. — Ср. сборник *Gramatyka języka polskiego* (Benni, Łoś, Nitsch, Rozwadowski, Ułaszyn), Краков 1923, стр. 342.

3) 2-ое л. мн. ч. при глаголах на *-o-|e-* звучало одинаково и в наст. времени и в аористе простом (напр. *u-kradete, po-możete, pri-lżete*).

казалось бы, не могло произойти соприкосновения между этой формой и соответствующей формой аориста, образуемой без указанного окончания. Но на деле, как известно, всё-таки были налицо обстоятельства, могшие способствовать и, вероятно, и способствовавшие формальному соприкосновению наст. времени с аористом и наоборот. Во-первых, нужно иметь в виду, что в древнерусских памятниках форма 3-го лица ед. числа аориста нередко снабжается неорганическим окончанием *-тъ*. Это явление известно уже из текстов древнецерковнославянского языка¹⁾. Точно также 3-ье лицо ед. числа аориста от атематических глаголов *byti dati jasti* получает „durch anlehnung an die 3. sg. präs. *jestъ dastъ jastъ*“²⁾ окончание *-stъ*. Точно то же мы наблюдаем и в русских памятниках церковного и литературного характера; формы *бысть дать съѣсть*, по свидетельству Дурново³⁾, встречаются в оригинальных житиях и летописях; встречаются также и формы на *-тъ*, напр. *приятъ начатъ оумрътъ* и мн. др. Дурново полагает, что такого рода формы заимствованы из древнецерковнославянского (старо-славянского) языка. Но это едва ли так. Я напротив склонен думать, что указанное явление имело гораздо более широкое развитие именно в древнерусском языке, причём было перенесено на глаголы всех иных спряжений. На это, по моему, указывают вполне определённо такие случаи. В „Задонщине“ мы напр. встречаем форму *восхвалитъ* в несомненно аористической функции, как видно из контекста⁴⁾: *Того же дни во суботу... изъкоша християне поганые полки на полъ Куликовъ, на ркъ Непрядвѣ. И юкнувъ князь великій Владимиръ Андреевичъ гораздо, и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ татарскихъ... И загремѣли мечми булатными о шеломи хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя...* Соболевский⁵⁾ совершенно правильно замечает: „В некоторых севернорусских памятниках 14—16-го вв. мы находим смешение форм 3-го лица ед. ч. аориста с формами наст. времени, так что формы

1) Ср. у Лескина, *Handbuch der altbulgarischen sprache*, 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 145 и 154.

2) Там же, стр. 168.

3) Дурново, *Очерк истории русского языка* (Москва 1924), стр. 320.

4) Цитирую по Русской хрестоматии Ф. Буслева, изд. 10-ое (Москва 1907), стр. 199.

5) Лекции, стр. 236.

аориста являются с окончанием *-ть*“. Из некоторых евангелий 14-го века он приводит такие случаи: *Възложи на ня руку и отъидеть*; — *Илья придетъ и створиша ему, елико хотѣша*; — *Не знаяше, дондеже родить сынъ свои первенць*; — *Посла воя своя... градъ ихъ за жь жеть*; — *Онъ утвердитъ лице свое*. — А затем уже понятно, что постольку, поскольку категория аориста ещё была жива, формы наст. времени начали вообще употребляться в функции аориста, даже когда не было ни малейшего между ними сходства. Мне представляется поэтому возможным видеть в форме *восплачется* в следующей цитате из „Задонщины“ аорист или вернее наст. (буд.) время в функции аориста: *Тогда же восплакашеся горько жены болярини по своим осподарѣхъ въ краснѣ градъ Москвѣ. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово...*

§ 22. Второе обстоятельство, также очень сильно способствовавшее „смешению“ форм наст. времени с аористом, состоит в том, что уже в древнейших русских памятниках форма 3-го лица ед. (а также и мн.) числа наст. времени часто утрачивает своё конечное *-ть* (*-тъ*) и таким образом, при известных условиях, сближается и совсем совпадает с теми же формами аориста. Соболевский¹⁾ приводит целый ряд примеров (*напише обряще въдае буде нарицае бывае боли*) из памятников 11-го века. Ещё чаще встречаются они в летописях и грамотах²⁾. Правда, Соболевский полагает, что такие формы без *-ть* „могут быть считаемы за принадлежащие не русскому, а церковнославянскому языку“. Но так как формы без *-ть* обычны (при особых условиях) во всех наречиях русского языка, и в малорусских говорах, и в югозападных белорусских говорах, и в сильно акающих южновеликорусских, и наконец в части северновеликорусских говоров³⁾, то, кажется, можно без всякого сомнения в нашем явлении видеть черту чисто-русскую, нашедшую своё выражение уже в древнейших памятниках. В силу такого обстоятельства формы наст. (буд.) времени у некоторых глаголов сов. вида, а именно у глаголов с основой на *-о-* *-е-* и на *-ѣ-* (напр. *понесе* *вм. поне-*

1) Лекции, стр. 249.

2) Ср. Дурново, Очерк, стр. 316.

3) Ср. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I (= Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, č. 20), Брно 1927, стр. 124, 150, 152, 164, 176.

сть, отъиде в.м. отъидеть, поможе в.м. поможеть, спроси в.м. спросить, и т. д.), могли вполне совпасть с формами аориста. В исконно различном ударении этих форм едва ли приходится видеть препятствие для нашей гипотезы, ибо вероятно и в этом отношении уже рано произошло уподобление ударения аориста ударению наст. времени. К сожалению, Шахматов в труде о синтаксисе русского языка, хотя, конечно, и отметил, что форма настоящего времени от глаголов сов. вида употребляется „для обозначения мгновенного действия, осуществившегося в прошедшем“¹⁾, но не дал своего объяснения этого явления.

§ 23. Если не исключительно, то во всяком случае главным образом так нужно объяснять многочисленные факты современного, преимущественно устного русского языка, иллюстрирующие наше явление. Нетрудно привести длинный ряд примеров употребления формы наст. времени сов. вида в смысле мгновенного прошедшего из языка былин. Приведу несколько случайно выхваченных примеров из сборника Гильфердинга²⁾. В былине о „Садке, Вольге и Микуле“ (№ 2)³⁾ читаем: *Скочил же царь неверный, т я п не в руки саблю вострую, отсек царицы буйну голову.* В былине о „Василии Буслаевиче“ (№ 44)⁴⁾ встречаем следующее место: *Послушала его служаночка, отворочала все дубья да колодыя нонь и повыпустил т Василия на святую Русь.* Особенно часто это явление связывается с вводным словом *как*. Напр. в былине „Илья Муромец и Соловей разбойник“ (№ 3)⁵⁾ читаем: *Как Илья же сын Иванович, как подскочит он ко Соловью, к Соловью Разматову, а к Разматову разбойнику, как отдёргнет да он стременье, как ударит о кирпичен мост, — повернулись тут глаза-ты вон косицами.* Или прочтём следующее место из другой быliny (№ 1)⁶⁾, где идёт речь о столкновении Святогора с Ильёй: *Как хватит тут же палицу да богатырскую, да помахне во богатыря, а й богатырь тут увернется, да старик тут*

1) В указ. труде, вып. II, стр. 75 (§ 558).

2) Пользуюсь вторым изданием „Онежских былин“, томом I-м (= Сборник ОРЯС., т. LIX).

3) В цит. сборнике, стр. 10.

4) Там же, стр. 305.

5) Там же, стр. 26.

6) Там же, стр. 7.

образумится: — дал ему да вечное прощеньице. Нередко полагают, что именно это вводное слово *как* является каким-то неизменным условием для употребления нашего оборота¹⁾. Но это несомненно заблуждение, ибо и прошедшее сложное или описательное (на -*ль*) столь же часто употребляется в соединении со словом *как*, вследствие чего и нельзя рассматривать его как составной элемент именно нашего оборота. Можно сравнить хотя бы следующую цитату из одной былины о „Братьях-разбойниках и сестре“ (№ 28)²⁾: *Как наехал да семь разбойников, как убили моего мужа, как бросили в синё море да моего сына, е повывезли меня младу на гору*. К тому же, как показывают хотя бы приведённые выше из былин о Садке и Василии Буслаеве два примера, форма наст. (буд.) времени сов. вида может быть употреблена и действительно часто употребляется в смысле прош. времени и без всякого вводного *как*. — Помимо былин, наш оборот встречается очень часто и в других произведениях народного, устного творчества, напр. в сказках; целый ряд отличных примеров из сказок приводится Мазоном в названном выше труде его³⁾. — Постольку, поскольку произведения современной русской литературы отражают живую, разговорную речь, наше явление встречается и тут. Приведу хотя бы несколько примеров. У Крылова находим между прочим следующее место в басне „Гребень“: *Зарезвился мой мальчик, заигрался, всклокотил волосы конной. Лишь няня к волосам, дитя подымет вой: „Где гребень мой?“ И гребень отыскался*. Относительно этого примера я, впрочем, должен допустить возможность, что мы имеем дело с явлением иного порядка, а именно с явлением употребления формы наст. (буд.) времени сов. вида в многократном, вернее повторном смысле, т.е. с тем, что Мазон совершенно правильно называет „un fait réitéré ou habituel“ (ссылаясь на пример: *Дятел начал манить лисицу: чуть-чуть подымется вверх и опять опустится вниз*). Мы же имеем в виду — пользуясь терминологией Мазона — исключительно оборот, обозначающий „un fait particulier, lequel n'a eu lieu qu'une fois“ (оборот типа *Медведь*

1) Так полагает напр. Педерсен в своей превосходной (датской) грамматике *Russisk grammatik* (Копенгаген 1915), стр. 202.

2) В сборнике Гильфердинга, стр. 211.

3) Стр. 152—153.

испугался, как бросится бежать без оглядки, а волки за ним). Умышленно подчёркиваю эту разницу, потому что наши явления, хотя и существенно отличные друг от друга, тем не менее нередко смешиваются. Так тот же Мазон¹⁾ ошибочно видит явление второго порядка в следующем предложении: *Хорошо было жить царевичу; а всё-таки нет-нет да и сгрустнётся, захочется узнать, что в родном дому делается.* Для меня совершенно вне всякого сомнения, что данное предложение принадлежит к оборотам „итеративного“ типа. Ряд примеров этого типа приводит Педерсен в названной своей грамматике. Он удачно проводит разницу между 1) употреблением формы наст. (буд.) времени сов. вида в смысле „обычно происходящего“, в окружении форм наст. времени несов. вида („*Nutid af perfektive udsagnsord kan undertiden bruges i skildringer af, hvad der plejer at ske*“) и 2) употреблением той же формы в смысле „обычно происходившего“, в окружении форм прош. времени несов. вида или *praesens historicum*. Примером первого типа у него служат след. фразы: *После третьего звонка обер-кондуктор даёт свисток, ему ответит машинист с паровоза, потом они обменяются ещё одним свистком, и только тогда поезд тронется, и Совершать большие путешествия в таких вагонах чистая мука: так измаеться в каких-нибудь две-три ночи, что потом чувствуешь себя просто больным.* В качестве примеров второго типа приводятся след. цитаты из „Дыма“ Тургенева: *Бывало, при какой-нибудь уже слишком унижительной сцене Ирина даже бровью не пошевеливает и сидит неподвижно,* из „Дикого счастья“ Мамина-Сибиряка: *Стояла такая спокойная, глазом не моргнет, и попрежнему смотрела на сына,* и из „Детства и отрочества“ Толстого: *„Ты опять заснёшь, Николинька!“ говорит мне татап: „Ты бы лучше шол наверх.“ — „Я не хочу спать, мамаша“, ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и чрез минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят... Для меня ясно, что первый тип является фактически и психологически первичным, а второй результатом переноса первого в прошедшее время. Но каково бы ни было происхождение этого повторного наст. времени сов. вида, смешивать его с нашим явлением или под-*

1) На стр. 151.

водить под один знаменатель, конечно, не следует. Возвращаясь к примерам употребления наст. времени сов. вида в качестве прошедшего мгновенного, приведём следующую цитату из сказки Пушкина „О мёртвой царевне“: *Как царица отпрыгнёт, да как ручку замахнёт, да по зеркальцу как хлопнет, каблучком-то как притопнет!* У Тургенева в „Нахлебнике“ мы читаем: *Не вытерпела, наконец, покойница... перекрестилась — бояться она его стала, бедняжка! — да и вошла к нему. Начала его уговаривать, а он как вдруг закричит на неё да взявши палку... а в „Рудине“: Я её хватил в бок осиновым колом сзади; она как взвизгнет.* Выписываем ещё следующую цитату из „Степи“ Чехова: *В самый раз, когда хозяин купца за бороду взял... вдруг кто-то ка-ак стукнет со двора по окошку! Все мы так и присели, а у хозяина руки опустились... Постучал кто-то по окошку, да как закричит.* Число примеров можно было бы, конечно, умножить до любых размеров, но, кажется, мы можем ограничиться уже приведёнными, как достаточно иллюстративными для наших целей.

§ 24. По свидетельству Маретича¹⁾, рассматриваемое нами явление употребления наст. времени от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени в сербохорватском языке встречается весьма часто („veoma često“) в повествовании („u pripovijedanju“). „U toj službi“ — говорит Маретич — „oblik na pr. sačuvati znači isto što oblik I. predašnjega vremena sačuvah i I. prošloga složenog sačuvaoh sam“. Судя по трём обширным примерам, приводимым Маретичем, форма наст. времени сов. вида может заменять собой аорист или прош. сложное сов. вида при всех условиях. То же самое подтверждают и Решетар и Мейе-Вальян в своих грамматиках, подчёркивая, что эта форма стоит „ungemein häufig“ и „très souvent“ вместо форм прош. времени. Может быть, допустимо даже предположение, что именно это отождествление наст. времени сов. вида с аористом лишило в конце концов первую форму функции буд. времени (сохраняемой, однако, в зависимых предложениях). Очень важно при этом то обстоятельство, что в песнях исторического содержания указанное явление встречается, однако, редко²⁾, в то время как „историческое“ настоящее время

1) В выше указанном труде, стр. 587.

2) Там же, стр. 590.

от глаголов несов. вида тут явление совершенно обыкновенное. А. Мусич, автор обширной статьи о способах употребления формы наст. времени сов. вида в славянских языках („Zum gebrauch des praesens verbi perf. im slavischen“¹⁾), посвятил часть своего труда и нашему явлению. При обсуждении его он исходит из данных сербохорватского языка, полагая, что наше явление тут выступает особенно ясно („am deutlichsten treten sie hervor im kroatoserbischen“²⁾). Будучи принципиально несогласен с объяснением Мусича, я нахожу нужным войти в ближайшее рассмотрение его взглядов. Вслед за Дельбрюком³⁾ Мусич сначала даёт совершенно правильное объяснение „исторического“ употребления формы наст. времени от глаголов несов. вида, т.-е. так наз. „praesens historicum“: „Der redende versetzt sich in die zeit, als die vergangene handlung vor sich ging; dadurch wird sie für ihn gegenwärtig, und so drückt er sie durch das praesens aus“⁴⁾. Определение это ни в чём не разнится от обычного, „психологического“ описания того умственного (мыслительного) процесса в сознании рассказчика или повествователя, на котором основана замена „логически“ требуемого прошедшего времени временем настоящим. Я, быть может, только внёс бы незначительную поправку в том смысле, что процесс этот происходит не столько в сознании повествователя, сколько умышленно вызывается им в сознании слушателя; повествователь пользуется стилистическим приёмом, переносящим слушателя (а не его самого) во время повествуемых событий и придающим следовательно рассказу большую наглядность и — я сказал бы — поэтическую живость и актуальность. Если теперь применить тот же психологический метод объяснения к интересующему нас явлению употребления формы наст., фактически же буд. времени сов. вида вместо прошедшего времени, то пришлось бы eo ipso сказать, что повествователь, мысленно перенёсшись вместе со слушателем в то время, когда происходили события (или вернее часть событий), и передавая их в форме наст. времени несов. вида (praesens historicum), передаёт (остальные) события, следовавшие за первыми, с помощью формы будущего времени

1) ASPh. XXIV, стр. 479 и след.

2) Там же, стр. 508.

3) Cp. Delbrück, Vergleichende syntax, т. II, стр. 261.

4) ASPh. XXIV, стр. 509.

(наст. времени сов. вида). Благодаря такому приёму, столь же стилистическому как и первый, ему удаётся представить события в их логически-временном членении, в их относительной последовательности. Такое заключение, по существу вполне логичное само по себе, делает Дельбрюк в указанном труде¹⁾, видя и в нашем явлении *futurum historicum*. Точно так же смотрит на дело и Педерсен²⁾: „Die erscheinung beruht darauf, dass der erzählende sich sehr lebhaft auf einen bestimmten vergangenen zeitpunkt versetzt, von dem aus die noch folgenden ereignisse futurisch sind“. Приблизительно так же определяет это явление и Бехагель³⁾: „Dieselbe lebhaftigkeit der anschauung, die den erzähler im präs. hist. die dinge als gegenwärtig schildern lässt, bewirkt, dass ein teil der vergangenen dinge dem in der vergangenheit lebenden noch als zukünftig erscheint, und so kann das futurisch gebrauchte präsens sowie die es ersetzenden futurumschreibungen scheinbar auch als vertreter des präteritums erscheinen“. Я по существу ничего не могу возразить против этих определений; они действительно во многих случаях вполне справедливы, и отрицать такое употребление будущего времени я не считаю возможным. Но зато мне кажется необходимым подчеркнуть с особой настойчивостью, что эти определения имеют полную силу только в одной, точно определимой группе случаев употребления формы буд. времени для обозначения прошлых событий. Сущность их состоит в том, что посредством формы буд. времени обозначается или событие, отделённое большим промежутком времени от времени остальных повествуемых событий (напр. *Toutes les puissances de l'égoïsme... donnèrent naissance à un mal inconnu... qu'Alfred de Musset décrira un jour*), или же событие, выступающее как заключительный акт или результат ряда предыдущих повествуемых событий. В таких случаях роль буд. времени, сводящаяся к функции вставки или заключительной формулы, чрезвычайно прозрачна и не требует особых пояснений: ею резко подчёркивается, что события, обозначенные будущим временем, принадлежат иной, чем предыдущие, временной плоскости. Мы тут, очевидно, имеем дело

1) Vergl. syntax, т. II, стр. 334 и след.

2) KZ. XXXVII, стр. 230.

3) O. Behagel, Deutsche syntax, т. II (Гейдельберг 1924), стр. 265.

с *futurum historicum* в собственном смысле слова. Но иначе дело обстоит с рядом других случаев употребления буд. времени для обозначения прошлых событий; в отличие от выше указанных они характерны именно отсутствием разграничения временных плоскостей, отсутствием логически-относительной последовательности во времени, и, по моему, не без крупной натяжки поддаются школьному определению так наз. *futurum historicum*: события тут по существу одновременны, а не разновременны (сравните хотя бы былинный пример *Скочил царь — тяпне — отсек*), и формы буд. времени тут не следуют, как в выше указанной группе, за формами *praesens historicum* (или — реже — прош. времени), обуславливающими их появление, а без всякого упорядочения с ними перемежаются¹⁾. Разнородные случаи употребления будущего времени вместо прошедшего мы находим в целом ряде языков. Вопрос, имеем ли мы тот же самый оборот в тех примерах из немецкого языка, которые приводит Бехагель²⁾; они осложнены тем, что будущее время тут стоит в придаточных предложениях. Дельбрюк³⁾, Бругман⁴⁾, Вондрак⁵⁾, Биленштейн⁶⁾, Эндзелин⁷⁾ и др.⁸⁾ приводят параллели из древне-индийского, литовского, латышского и других языков. Я должен отказаться от анализа этих примеров, но полагаю, что если не все, то большинство из них относится к нашему первому типу. Вопрос этот требует специальной разработки. Довольно характерным и поддающимся анализу примером я считаю приведённое Эндзелином предложение из латышского рассказа (сказки): *Šie aiziet (наст. вр.) un Priežurāv'js vāra (наст. вр.) putru. Te, pret vakaru, ienāks (буд. вр.) būdā ... vērīnš ... un lūgsies (буд. вр.) arī paēst. Priežurāvējam sirds vietā, —*

1) К такому определению двух разновидностей *futurum historicum* я прихожу на основании ценной статьи Я. Вакернагеля, *Futurum historicum im altpersischen*, в сборнике *Festschrift Vilhelm Thomsen* (Лейпциг 1912), стр. 134—137.

2) В указ. выше месте.

3) *Vergl. syntax*, § 112.

4) *KVG. II*, стр. 577.

5) *Vergl. slavische grammatik*, т. II, стр. 275; 2-ое изд., стр. 385.

6) *Lettische grammatik* (Митава 1863), стр. 352 и след.

7) *Lettische grammatik* (Гейдельберг 1923), стр. 747.

8) Ср. список литературы по этому вопросу в указанной статье Вакернагеля.

iesmels (буд. вр.) *traukā un duos* (буд. вр.); *bet līdz šis paliek-sies* (буд. вр.) *pie katla, tā vīrelis nuo mugāras puses čuprā un nu duod un duod* (наст. вр.), *cik ieiet* (наст. вр.): — *pusdzīvs Priežurāvējs iezvīla* (прош. вр.) *kaktā* (= Они уходят и П. варит кашу. Тогда, под вечер, войдёт в хату человек и попросит и себе поест. У П. сердце доброе, он начнёт наливать в сосуд и даст; но едва он нагнётся к котлу, как человек [вскочит] ему сзади на спину и ну даёт и даёт, сколько влезаёт: — полуживой П. упал в угол¹). Пример этот, стоящий, по моему, ближе к первой группе и не поддающийся дословному переводу на русский язык, мне кажется особенно иллюстративным, потому что, во-первых, подтверждает нашу мысль, что предпосылкой для употребления *futurum historicum* является предварительное появление *praesens historicum*. Другими словами, для того, чтобы представить какие-либо прошедшие события как будущие, повествователь предварительно должен представить предшествующие им события как происходящие в наст. времени. На этот факт до сих пор не обращали надлежащего внимания, но мне он кажется весьма существенным, ибо — хотя я и допускаю возможность, что в отдельных случаях повествование от времени прошедшего (с пропуском времени настоящего) прямо переходит ко времени будущему, — всё-таки именно в указанной предпосылке и состоит коренная разница между данным явлением в латышск. языке и интересующим нас фактом в слав. языках: в последнем случае обычно предшествует форма прош. времени. Во-вторых, важно ещё следующее обстоятельство; в то время как в латышск. примере *futurum historicum* почти с логической необходимостью и во всяком случае в силу само собой понятных психологических факторов выступает в виде заключительного акта ряда форм *praesens historicum* и вслед за ними, в славянских языках (в указанных нами случаях) форма наст. (буд.) времени сов. вида неизменно выступает или в перемежку с формами прош. времени (и *praesens historicum*), или же (в редких случаях) даже самостоятельно. Наконец, как в латышск., так и во всех остальных языках *futurum historicum* не имеет того оттенка мгновенности, который характерен для польских и русских примеров. Конечно,

1) Дословный перевод.

я не буду отрицать возможности наличности и в слав. языках, в особенности в сказках, *futurum historicum* в узком смысле слова. Но признавая, таким образом, правильность определения так наз. *futurum historicum*, которое дано выше-названными учёными, я отрицаю правильность утверждения, что в разобранных нами выше славянских случаях употребления формы наст. времени сов. вида в смысле (мгновенного) прошедшего в окружении форм действительного прош. времени и в перемежку с ними перед нами исключительно явление того же *futurum historicum*. Допускаю, однако, взаимное скрещение этих двух способов выражения. В частности не могу принять мнения Педерсена, что „*der hinweis auf die gleiche verwendung des ererbten indogermanischen futurums im litauisch-lettischen ... ganz entscheidend ist*“¹⁾; тождественность употребления ещё требуется доказать и подвергнуть все случаи *futurum historicum* специальному анализу.

§ 25. Не соглашается с таким толкованием нашего явления и Мусич: „*Nur das will ich noch erwähnen, dass ich DELBRÜCKS ausführungen ... auch bezüglich des historischen praesens verbi perf., das nach seiner ansicht ein erzählendes futurum sein soll, nicht beistimmen kann*“²⁾. Но не соглашается с этим толкованием Мусич совсем на других основаниях. Как нами уже было замечено, он сопоставляет употребление наст. времени сов. вида с „историческим“ настоящим несов. вида (ср. на стр. 514: „*Das historische praesens verbi perf. kann ... vom historischen praesens verbi imperf. nicht getrennt werden*“). Но выводя последнее из психологического факта, что повествователь переносит самого себя (вернее: слушателя) во время повествуемых событий, он не предполагает того же (или подобного ему) процесса по отношению к случаям употребления наст. времени сов. вида в „историческом“ смысле. Напротив, он, очевидно, предполагает какое-то механическое перенесение свойственного для наст. времени несов. вида оборота на наст. время сов. вида, которому он несвойствен. Он говорит: „*Dadurch, dass das praes. verbi imperf. eine ... vergangene handlung bezeichnen kann, ist auch die entwicklung des praesens verbi perf. zur bezeichnung vergangener perfektiver handlungen*“.

1) KZ. XXXVII, стр. 230.

2) ASPH. XXIV, стр. 514.

möglich geworden“¹⁾. Ясно, что это утверждение никакого объяснения не даёт, так как не указывает никакого *tertium comparationis* между наст. временем (несов. вида) и будущим временем (сов. вида), которое сделало бы соприкосновение между этими, по содержанию и функциям резко отличными формами понятным; недостаток этот, по моему, нисколько не возмещается тем, что Мусич последовательно называет обе формы формами наст. времени; ведь это только исторически-терминологическое, а отнюдь не фактическое тожество или фактическая близость. Присмотримся ближе к теории Мусича. Мусич неоднократно подчёркивает, что в целях правильного понимания нашего явления нужно различать между „*standpunkt des vorsichgehens*“ („точкой зрения события“ или „действия“) и „*standpunkt des redens*“ („точкой зрения повествования, говорения“). По его мнению, „историческое“ наст. время несов. вида передаёт действия хотя и настоящие „*vom standpunkt ihres vorsichgehens*“, но прошедшие „*vom standpunkt des redens*“. Это можно было бы проще выразить так: „историческое“ наст. время несов. вида формально форма наст., но функционально форма прошедш. времени²⁾. Что же касается настоящего времени сов. вида, то тут Мусич удерживает только „*standpunkt des redens*“, в силу которого оно служит для сообщения о событии или действии прошедшем; но „*standpunkt des vorsichgehens*“ никакой роли у него не играет; напротив, по его мнению, „историческое“ наст. время сов. вида не в состоянии передать (прошедшее) действие „*vom standpunkt ihres eintretens*“ (причём „*eintreten*“ и „*vorsichgehen*“ употребляются им без разграничения). Следовательно, если перевести и это на более простой язык, оказывается, что „историческое“ наст. время сов. вида функционально форма прошедшего времени, а формально ничего не выражает³⁾. Но и это опять-таки ничего не объясняет: это просто повторение иными словами того же самого утверждения Мусича, что форма наст. вре-

1) Там же, стр. 510.

2) В своей работе „Прилози науци o upotrebi vremena u srpsko-hrvatskom jeziku“, ч. III (оттиск из СХХVI книги „Гласа Српске Краљевске Академије“), Белград 1927, стр. 5, Мусич так и говорит: „Радња, која је за помишљену садашњост садашња, за праву је садашњост пјевачеву прошла“.

3) Ср. в указ. статье стр. 5—6: „Али презенат перф. глагола нема на себи никакого темпоралнога обилежја“.

мени сов. вида, если стоит вместо прошедшего времени, не является формально будущим временем, т.-е. употребление её не должно объясняться тем, что повествователь переносит себя или нас в будущее время. Таким образом, Мусич приходит к совершенно отрицательному выводу по отношению к возможности психологического объяснения нашего явления. В этом я, как видно, по иным причинам одного с ним мнения. Но если Мусич полагает, что можно ограничиться простым указанием на влияние факта „исторического“ употребления форм наст. времени несов. вида на формы буд. (наст.) времени сов. вида, т.-е. предположением механического распространения „исторического“ наст. времени на формы буд. времени сов. вида, я с ним уже не нахожу возможным соглашаться.

§ 26. Аргументация Мусича кажется мне ещё менее убедительной, если проследить, каким способом она применяется им при объяснении некоторых любопытных фактов синтаксического порядка в современном сербохорватском языке. Нетрудно показать, что Мусич, пользуясь своей терминологией, делает тут логический эксперимент, не имеющий под собой реальной почвы. Выше было мною уже указано, что исторические песни сербохорватов чрезвычайно редко допускают употребление наст.(-буд.) времени сов. вида вместо форм прош. времени. Мусич объясняет это так: по его мнению, характерной чертой стиля сербохорватской исторической песни является повествование „vom standpunkt des vorsichgehens“; а так как употребление наст. времени сов. вида допускается только „vom standpunkt des redens“, между тем как „standpunkt des vorsichgehens“ тут совершенно отсутствует, то, заключает он, вполне понятно, что историческая песня этого последнего способа не терпит: „Der grund ... für die abneigung des volksliedes gegen das historische praesens verbi perf. ist ohne zweifel in dem ... umstande zu suchen, dass im volksliede die zeit der handlungen in der regel vom standpunkte ihres vorsichgehens oder eintretens aus, nicht aber vom standpunkte des redens aus bestimmt wird, durch das historische praesens verbi perf. aber vergangene handlungen vom standpunkte ihres eintretens aus nicht ausgedrückt werden können“¹⁾. Я нахожу, что

1) ASPh. XXIV, стр. 511.

Мусич тут заблудился в каком-то *circulus vitiosus*, запутался в прямой тавтологии, не заметив, что вывод тождествен с предпосылкой. Что значит главная предпосылка Мусича, что стиль сербохорватской исторической песни допускает только „*standpunkt des vorsichgehens*“? Так как „*standpunkt des vorsichgehens*“ (формальное значение) и „*standpunkt des redens*“ (функциональное значение) различимы только при формах наст. времени, употреблённого в „историческом“ смысле, то предпосылка эта только и может обозначать, что стиль сербохорватской песни допускает лишь „историческое“ наст. время несов. вида, обладающее по мнению Мусича именно „*standpunkt des vorsichgehens*“; т.е. доказательство его принимает такой вид: так как стиль исторической песни только допускает „историческое“ наст. несов. вида, в ней недопустимо „историческое“ наст. сов. вида. А это явная тавтология. — Мусич далее допускает такого рода возражение против своего объяснения отсутствия в исторических песнях „исторического“ наст. вр. сов. вида: „*Das könnte man befremdlich finden, wenn man erwägt, wie häufig das durch den aorist geschieht, dem doch das historische praesens verbi perf. darin gleichkommt, dass es vergangene perfektive handlungen bezeichnet*“¹⁾. Такое возражение мне непонятно. Правда, аорист как и „историческое“ наст. сов. вида функционально обозначает прошедшее действие, но ведь у него функциональная („*standpunkt des redens*“) и формальная сторона („*standpunkt des vorsichgehens*“) совершенно совпадают, чего нет у наст. сов. вида, вообще не имеющего формального значения. Оказывается, что именно так и отвечает Мусич на это слишком уж фиктивное возражение: „*Man darf nicht vergessen, dass zwischen dem aorist und dem historischen praesens verbi perf. der wesentliche unterschied besteht, dass der aorist schon an und für sich die bedeutung der vergangenheit hat, während das historische praesens verbi perf. an und für sich eigentlich keine zeit bezeichnet und (wie das historische praesens verbi imperf.)²⁾ nur dann die bedeutung der vergangenheit erhält, wenn es ... in der erzählung vorkommt*“³⁾. В этой фразе имеется ещё одно утвержде-

1) Там же, стр. 511.

2) Подчёркнуто мною.

3) ASPH. XXIV, стр. 511.

ние, говорящее против самого же Мусича. Раз по его мнению „историческое“ наст. сов. и „историческое“ наст. несов. вида в равной мере появляются только тогда, когда повествуется об определённо прошедших событиях (а это якобы случается очень редко в исторических песнях, зато тем чаще в рассказах), то следовало бы думать, что оба оборота в равной мере чужды исторической песне. На деле же „историческое“ наст. несов. вида, по собственным словам Мусича¹⁾, встречается тут чрезвычайно часто. Правда, Мусич подчёркивает, что происходит это только „in erzählenden partien des volksliedes“²⁾. Не входя в рассмотрение вопроса, какие части песни представляются ему „повествовательными“, а какие нет (я сильно сомневаюсь в достоверности такого разграничения), я на основании аргументации нашего автора ожидал бы, что и наст. время сов. вида обнаружится в „повествовательных“ частях песни. Оказывается, нет. „Auch in denjenigen partien des volksliedes“ — говорит Мусич³⁾ — „die man doch als erzählung bezeichnen könnte, kann das historische praesens verbi perf. nicht den aorist vertreten.“ Спрашивается, почему же? Потому, что „auch sie eigentlich keine erzählung sind, da in ihnen der sänger die handlungen nicht als erzähler, sondern gewissermassen als zuschauer, d. h. vom standpunkte ihres vorsichgehens oder eintretens aus, darstellt“. Вся эта аргументация сильно смахивает на простую конструкцию ad hoc, и удовлетворительного объяснения мы не получаем. Достаточно вместо возражения указать на русскую былинку, допускающую в отличие от сербохорватской исторической песни и наст. время несов. вида и наст. (буд.) время сов. вида, чтобы понять, что отсутствие второй формы в сербохорватской песне должно иметь иную, особую причину. Но Мусич, хотя и озаглавил свою статью так, что можно было бы ожидать самого широкого освещения этого вопроса во всех слав. языках, тем не менее не обратил никакого внимания на стиль русской былинки. — Остаётся ещё последний вопрос: как Мусич объясняет тот факт, что „историческое“ наст. сов. вида, почти не встречаясь в исторических песнях сербохорватского народа, очень часто употре-

1) Там же, стр. 508. Ср. „Прилози“, стр. 5.

2) Там же, стр. 508, 509.

3) Там же, стр. 513.

бляется в народных сербохорватских сказках? Мусич силится доказать, что это зависит от существенно разного отношения певца к воспеваемым им событиям и рассказчика к сюжету его сказки; в отличие от певца „versetzt sich der redner (der erzähler) nicht in die zeit, in der die handlungen vor sich gehen oder eintreten, sondern bleibt in der wirklichen gegenwart. Dieser sein standpunkt wird gewöhnlich gleich am anfange seiner erzählung durch prae-terita auch gekennzeichnet. So versteht es sich denn eigentlich von selbst, dass die handlungen, die er erzählt, der vergangen-heit angehören“¹⁾. И это разграничение отношения певца и рассказчика к сюжету или времени его представляется мне натянутым и невероятным, и мы поэтому в праве спросить себя, нельзя ли объяснить разницу между песней и сказкой по отношению к употреблению или неупотреблению „исторического“ настоящего сов. вида иначе и проще.

§ 27. Я искал бы такого объяснения в той же плоскости, что и выше, т.-е. предположил бы, что и в сербохорватском языке произошло характерное перенесение функций аориста на формы наст. (буд.) времени сов. вида в связи с указанным уже фактом, что язык находится в стадии утраты форм аориста. Ведь в сербохорватском языке при рассказе прошедших событий, не только в устной, народной речи, но и в книжном изложении, всякая форма аориста всегда может быть заменена соответствующей формой наст.-буд. времени сов. вида. Что же касается вопроса о том, почему аорист сохраняется столь строго в исторических сербохорватских песнях и тут почти никогда не заменяется формами наст. времени сов. вида, то я нахожу ответ на него в том обстоятельстве, что исторические песни, будучи поэтическими произведениями с определённой традиционной формой и следуя известным ритмическим законам, вообще строже сохраняют древний склад речи. Маретич²⁾ напр. подчёркивает, что песни не передают „vјerno obični govor“. Они поэтому в силу более архаического стиля придерживаются аориста, не поддаваясь общей тенденции к утрате его. По словам Маретича³⁾ „sa-dašnje istoričko vrijeme od svršenijeh glagola ... se ne nalazi u

1) Там же, стр. 512.

2) В указ. труде, стр. 598.

3) Там же, стр. 590.

narodnijem pjesmama gotovo nikad“. По той же самой причине, вероятно, и Вук Караджич, а за ним и Даничич в своих переводах нового и ветхого завета избегали применения форм „исторического“ настоящего сов. вида, хотя Вук в других своих сочинениях охотно допускал его¹⁾. Если с другой стороны в народных сказках и повестях употребление наст. времени сов. вида до того часто, что аорист перед ним решительно отступает на задний план, то объясняется это отсутствием тех сдерживающих ритмических и архаических сил, которые налицо в исторических песнях; народные сказки и повести, будучи, правда, также поэтическими произведениями народного творчества, но все же гораздо более свободными по внешней форме и не связанными определёнными традициями, отражают поэтому гораздо точнее „obični govor“ и характерную для него тенденцию к утрате аориста; вследствие этого они гораздо охотнее заменяют отживающие формы аориста соответствующими формами наст. времени сов. вида. Этот факт вполне соответствует указанному нами выше (§ 15) обстоятельству, что народные сказки часто употребляют императив вместо аориста, в то время как исторические песни такого употребления не знают. Наш вопрос сводится, таким образом, к тому, как могла произойти эта замена аориста формами наст. времени сов. вида. Полагаю, что и тут можно будет принять за исходный пункт чисто-формальное, частичное совпадение некоторых форм аориста с формами наст. времени сов. вида, из чего впоследствии развилось путём аналогии полное отождествление наст. времени сов. вида с аористом. При объяснении переноса функций аориста на форму императива нами выше было указано на то, что условия количества, интонации и ударения всех форм аориста за исключением форм 2-го и 3-го лица ед. числа сближали их с императивом. Здесь же нам наоборот приходится взять в качестве исходной точки именно формы 2-го и 3-го лица ед. числа от глаголов с основой на -i-. Стоя вне интонационной системы аориста, формы эти и по ударению и по интонации и по количеству конечных гласных совершенно совпадали с соответствующими формами наст. времени. Это видно из простого сопоставления интересующих нас форм, напр. от глаголов *găziti pâmțiti hvă-*

1) Там же, стр. 590.

liti nösiti; в то время как формы 2-го и 3-го лица ед. числа аориста (*gäzî pâmî hvâlî nösî*) во многих случаях определённо отличались от формы 1-го лица ед. числа аориста (*gäzîh pâmîh hvâlîh nösîh*), они самым явным образом совпадали с формой 3-го лица ед. ч. наст. времени (*gäzî pâmî hvâlî nösî*). Мейе¹⁾ формулирует это обстоятельство так: „Dans tous les verbes en -*iti* l'accentuation et la quantité de l'*i* sont les mêmes à l'infini-tif et aux formes de l'aoriste où il y a des représentants de -*s*-, dans *lômih zalômih* comme *lômîti zalômîti*, *hvâlîh pōhvâlîh* comme *hvâlîti pōhvâlîti*²⁾. Au contraire, la forme de 2e-3e sg. aor. *lômî zâlômî* et *hvâlî pōhvâlî* concorde, à un détail près, avec celle du présent: *lômîm zâlômîm*, *hvâlîm pōhvâlîm*“. Эта разница между формами 2-го и 3-го лица ед. числа и остальными формами аориста ощущалась как нечто ненормальное; это можно заключить из того, что, как уже указывалось выше (§ 16), некоторые глаголы на -*ěti* и глаголы на -*nuti* и -*ati* устранили её, уподобив формы 2-го и 3-го лица ед. числа остальным лицам аориста; так объясняет ван-Бейк³⁾ появление форм аориста типа *gōrjeh : gōrje trp̃jeh : trp̃je tr̃nuh : tr̃nu p̃isah : p̃isa*, а также и форм *lěže mōže idē rěče* и т. д. Но — прибавляет ван-Бейк — „la cause principale du changement de l'accentuation doit être la tendance à distinguer ces formes de celles du présent (maintenant *lěže mōže idē rěče*, autrefois avec *ě*; cette quantité s'est conservée dans certains dialectes“⁴⁾. Имелась таким образом необходимость введения инноваций ради не-смешения форм аориста с формами наст. времени. Но, разумеется, была налицо и возможность и даже неизбежность смешения, в особенности у глаголов на -*i*-, не введших новых ударений. Не придаю при этом большого значения разнице между интонацией аориста *zâlômî pōhvâlî pōgazî pr̃nosî* и интонацией форм наст. времени *zâlômîm pōhvâlîm pōgazîm pr̃nosîm*, хотя эта разница выступает именно у глаголов с приставкой, употребляемых в качестве глаголов

1) Le slave commun (Париж 1922), стр. 212.

2) Тут у Мейе, очевидно, вкралась ошибка, если он даёт формы *hvâlîh hvâlîti* и т. д. См. Meillet-Vaillant, Grammaire de la langue serbo-croate (Париж 1924), стр. 174.

3) RES. III, стр. 45.

4) ван-Бейк при этом, м. пр., ссылается на труд Л. Мазинга, Die hauptformen des serbisch-chorv. akzents, стр. 71 и след.

сов. вида как раз для образования аориста; разница эта слишком сама по себе незначительна и не могла стать препятствием для нашего процесса. Исчезновение аориста в сербохорватском, да и вообще в славянских языках и было, если не вызвано, то во всяком случае облегчено „par l'inconvénient qu'offrait l'ambiguïté de la forme commune des 2e et 3e personnes au singulier“¹⁾. Обусловленная этим обстоятельством тенденция к упрощению этой сложной системы могла, однако, повести не только к исчезновению аориста, но также, в силу формальной близости аориста к формам наст. времени (сов. вида) во многих случаях, к уподоблению его последним, отождествлению его с последними и, в конце концов, перенесению функций его на них же. Такой процесс, само собой разумеется, вскоре по аналогии мог охватить и такие формы, которые не отличались указанною внешнею близостью. При этом приходится подчеркнуть, что в общем условии для употребления форм наст. времени от глаголов сов. вида в аористическом смысле, условием для того, чтобы эти формы, обозначающие исконно будущее время, могли быть поняты именно в смысле аориста, является требование, чтобы прошедший характер повествуемых событий в отдельных случаях был наперёд или параллельно подчеркнут какой-либо грамматической формой прошедшего времени, чем бы исключалась возможность недоразумений. Как известно, и *praesens historicum* от глаголов несов. вида нуждается в такой предпосылке²⁾. Отсутствие этого условия в так наз. „*prigodivanju*“ в сербохорватском языке и объясняет, кажется, недопустимость в данном случае указанных оборотов³⁾. Замечу ещё раз, что именно это окружение форм прошедш. времени отличает наше „аористическое“ наст. время сов. вида от действительного *futurum historicum*, нуждающегося в общем в предыдущих формах *praesens historicum*. На эту разницу до сих пор обращалось слишком мало внимания. Наконец, не будет излишним, если вкратце ещё укажу на то, что в сербохорватском языке формы наст. времени сов. вида в смысле аориста, повидимому, не отличаются тем оттенком мгновенности, который казался нам существенным для того

1) Meillet, *Le slave commun*, стр. 217. Ср. также стр. 274—275.

2) Ср. у Мусича, *ASPh*. XXIV, стр. 510.

3) См. у Маретича, в указани. труде, стр. 600.

же явления в польском и русском языках. Обусловлено это тем, что аорист в сербохорватском языке не прошел через те этапы семасиологических изменений, которые нами предположены были для названных двух языков.

III.

§ 28. Результат наших соображений состоит в том, что отмеченные нами в русском, а также и в иных славянских языках явления употребления формы императива и форм наст. времени сов. вида в смысле и вместо прошедшего времени не могут быть объяснены чисто-психологически, а должны рассматриваться как продукт вполне объяснимого, механического переноса функций исчезнувшего (или исчезающего) аориста на указанные формы в силу частичного совпадения, а затем аналогического отождествления последних с аористом (или наоборот). При этом получается некоторая разница в значении. В то время как наст. время сов. вида „аористическое“ в русском языке передает ясно ощутимый оттенок мгновенности или непродолжительности действия в прошедшем, императив в той же функции кроме того содержит ещё и оттенок неминуемости или „предопределённости“ действия в прошедшем. Затем обычным условием для понимания наст. времени сов. вида в прошедшем смысле оказывалось определённое окружение фактических форм прош. времени; для императива же мы такого требования не находили. Теперь можно ещё поставить такой вопрос: не обладает ли русский язык (а равно и иные слав. языки) ещё третьим средством для передачи „аористического“ действия в прошлом, 1) не нуждающимся (как иногда наст. времени сов. вида) во внешнем окружении форм прош. времени (что, конечно, составляет некоторый недостаток указанного оборота), и 2) не связанным (подобно императиву в функции прош. времени) с представлением о неминуемости действия? Мне кажется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Таким средством является отглагольное междометие, нередко употребляемое в функции „особого“ прош. времени. Мне представляется возможным толковать точно так же, как уже выше было истолковано предложение *Хватъ — поймала*, и следующую фразу, почерпнутую (как и многие из ниже следующих) из „Сборника сказаний и преданий“, издан-

ного Садовниковым¹⁾: Он *дёрг* и *остальную ногу выдернул*. По значению тут между *хватать* — *поймала* и *дёрг* — *выдернул* почти никакой разницы нет²⁾, и *дёрг* точно так же как и *хватать* обозначает действие прошедшее мгновенное. Нужно при этом, конечно, строго отличать междометия отглагольные (глагольные) от междометий неглагольных, чисто-звукоподражательных; междометия последнего типа мы напр. имеем в следующих двух предложениях: *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин!* Пушкин, Бесы, или *Гуляют кони, стучат чёртовы машинки. А колокола под землей бумм, бумм, бумм! преобразись несправедливая земля!* А. Толстой, Рукопись, найденная под кроватью. Критерием глагольности или неглагольности данного междометия является его способность к образованию полной системы глагольных форм. Известно, что к глагольным междометиям всегда могут быть образованы глаголы на *-нуть* однократного вида. Только такие междометия выступают в функции прошедшего времени. Нетрудно привести целый ряд примеров, хотя бы из выше указанного источника: от глагола *прыгнуть*: *Она села в неё (коляску), и он за ней прыг*; от глагола *хмыльнуть*: *Как бросит веник, да с полка и хмыль нагишом домой*; от глагола *торкнуться*: *Самый этот разбойник торк в ворота — заперты*; от глагола *брякнуть*: *Мать домой поволок, бряк в конник*; от глагола *брягнуть*: *Является перед ними лодочка, брях в лодку*; от глагола *шигнуть*: *Малый-то его брат шиг да шиг к нему тихонько*; от глагола *мыкнуть*: *Солдат мык в дверь*; от глагола *хлобыстнуть*: *Поднял кнутовище да хлобыст одного*; от глагола *бултыхнуть*: *Ванюша перекрестился, бултых в воду*; от глагола *цопнуть*: *Ванюша скоро догадался, как за хмельную схватился, да и цоп в мешок*; от тех же глаголов: *Подбежал попов сын Тёрка, он его цоп да и бултых в котёл*. Пешковский³⁾ приводит целый ряд таких междометий (*бац хвать*⁴⁾) толк *стук хлоп цап царап верть порх*

1) Записки Русск. Географ. Общества по отд. этногр., т. XII (Петербург 1884). Цитирую не прямо, а по статье П. Шейна в РФВ. XLI.

2) Я умышленно говорю „почти“, имея в виду оттенок неминуемости в первом примере. Должен, однако, присовокупить, что я далеко не убеждён в том, что *хватать* действительно императив к *хватить* (ожидается *хвати*). Мы м.-б. и тут имеем отглагольное междометие.

3) Русский синтаксис в научном освещении (Москва 1914), стр. 366.

4) Относительно *хвать* может быть сомнение, имеем ли мы „междометие“ от глагола *хватнуть* или императив от глагола *хватить*.

скок прыг трах), причём прибавляет: „Во всяком случае понятие „междометия“ здесь, в сущности, мало применимо, так как, при всей их эмоциональной окраске, слова эти всё-таки имеют определённое логическое содержание, отсутствующее в междометиях. Синтаксически же они тоже крайне редко стоят вне предложения, а употребляются почти всегда именно, как заместители сказуемого“. Пешковский допускает возможность, что мы имеем дело с особым „мгновенным“ видом глагола. В этой мгновенности, по моему, и заключается та их особая окраска, которую Пешковский называет „эмоциональной“. Приведу для полноты ещё ряд примеров из произведений русской литературы, отражающих живую речь. У Крылова мы находим м. пр. следующие „междометия“ нашего типа: от глагола толкнуть: *Подруга каждая тихонько толк подругу*. Обезьяны; — *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой*. Зеркало и обезьяна; — от глагола прыгнуть: *Тут рыцарь прыг в седло и бросил повод*. Рыцарь; — от глагола бухнуть: „Ещё левой возьми, ещё левее шаг!“ *И бух осёл и с филином в овраг*. Филин и осёл; — *Левой, левой, и с возом бух в канаву*. Обоз; — от глагола *шастнуть¹⁾: *Тут задремали все, кто лёжа, кто и сидя; как вдруг из лесу шасть на них медведь, разинув пасть*. Собака, человек, кошка и сокол; — от глагола хлопнуть: *Потом, как со стола уж начали собирать, пустился танцевать. Лиса в ладоши хлоп*. Обед у медведя. — У Тургенева я (при случайном чтении) отметил следующие примеры: от глагола бухнуть: *Вдруг, в одно прекрасное утро, вообразите себе, входит Арина... без доклада ко мне в кабинет и бух мне в ноги*. Ермолай и мельничиха; — от глагола *шастнуть: *Вдруг старушка-мать шасть в комнату*. Уездный лекарь; — *Давид ушёл куда-то в город; я никак не ожидал, что он скоро вернётся... Вдруг он шасть в дверь*. Часы; — от глагола чёркнуть: *Взял перо — чёрк, чёрк, чёрк²⁾* — да и воображаете, что отделались? Холостяк, III. — От глагола хлопнуть находим пример у Чехова (Иванов, VII): *Я полюбила его с первого взгляда. Взглянула, а меня мышеловка хлоп!* — Часто встречается наш оборот у Горького; я записал два случая: от глагола ханнуть: *А мы, согрешив по-человечьи, судим друг друга по-звери-*

1) Ср. шастать.

2) Я, впрочем, не уверен, не имеем ли мы тут звукоподражательного междометия указанного выше (стр. 70) типа.

ному: сразу *жап* за горло и чтобы душа вон! — от глагола *цапнуть*: „Хоть я“, говорит, „человек безоружный, но за уши вас оттащить могу!“ Да и *цап* его за ухо, юнкера-то. — Первый из этих двух случаев характерен тем, что междометие уже теряет значение прошедшего времени и получает функцию настоящего несов. вида. Объясняется это тем, что междометия отглагольные и звукоподражательные, конечно, сильно влияют друг на друга, и не всегда легко определить, какой из этих двух видов мы имеем перед собой. Наконец, вкратце укажу ещё на то, что и остальные славянские языки также обладают целым рядом подобных отглагольных междометий. Привожу ещё раз (полностью) уже цитированное место из „Пана Тадеуша“ Мицкевича: *Gracz szarak! Skoro poczui wszystkie charty w kupie, Pstręk naprawo koziołka! Z nim w prawo psy głupie, a on znówi fajt wlewo! jak wytnie dwa susy! Psy za nim fajt nalewo! On w las, a mój Kusy cap!* — Тут перед нами междометия от глаголов *fajtnąć*, *capnąć* и **pstręknąć*, причём, конечно, несколько не исключена возможность и даже вероятность, что первый и второй из названных глаголов в свою очередь образованы от звукоподражательных междометий, т.-е., что в данных случаях произошло взаимное притяжение обоих родов междометия; но если Лось¹⁾ прав, утверждая, что „wykrzyknik stoi poza zdaniem, gdyż może być zupełnie opuszczony bez szkody dla pojęciowej treści zdania“²⁾, то мы в приведённом примере не имеем дела с простыми междометиями, ибо они тут не могут быть опущены; правда, Лось оговаривается, что „wykrzykniki naśladowcze wchodzą do składu zdania jako orzeczenia“, но такого исключения из общего определения понятия „междометия“ делать нельзя, не мотивировав его ближе. У Вондрака³⁾ мы находим ещё пример *chlust* от глагола *chlusnąć*, а также ряд инославянских примеров (напр. словенск. *lor*, чешск.-слов. *chmat smýk blk lup žbluňk břink*). Из чешских междометий нашего типа можно привести следующие: *bác* от глагола *bacnouti*, *hop* от *hopnouti*, *fuk* от *fuknouti*, *hrk* от *hrknouti*, *šup* от *šupnouti*⁴⁾. Богатый материал глаголь-

1) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 186.

2) Ср. там же, стр. 200.

3) *Vergleichende slavische grammatik*, т. II, стр. 274; 2-ое изд., стр. 419.

4) Ср. Gebauerova *mluvnice česká...*, nově zpracoval V. Ertl, т. II (Прага 1921), стр. 18 и 200.

ных междоиметий собрал Бернекер¹⁾ из большинства славянских языков: из русского напр. *кувырк лоп мах скрип щёлк шлёп шварк швырк тарых тяп топ*, из малорусского напр. *брязь гульк хан плчч порх скуб смик шубовсть шура трісь*, из белорусского *štyk špurhieć ciskieć*, из польского *benc gruch hyb chlast kie tar myk plusk puk*, из чешского *drap hmat hop huk chamť chyt plesk smyk škráb škrk*, из сербохорватского *fuk chop*, и т. д.

§ 29. Миклошич²⁾ затруднялся об'яснить рассматриваемые нами формы: „Man könnte versucht werden, diese wörter als den einzigen rest des wahren imperativs anzusehen“. Во всяком случае несомненно, что родственность между междометиями повелительного характера и формой повелительного наклонения, в значительной мере потерявшей функцию именно 2-го лица ед. числа (ср. *на : наме ; ну : нуте ; айда : айдайте ; полно : полноте* и *иди : идите ; дай : дайте*), очень велика и могла способствовать развитию того употребления в „аористической“ функции, которая известна нам у форм императива, также и у междометий. Существенной разницей, однако, между „аористическим“ императивом и таким же междометием остаётся то, что при употреблении первого (*он скажи, мы возьми, я влюбись* и т. д.) ощущается оттенок неминувости, выводимый нами из императивной формы, а при употреблении второго (*он хлоп, мы стук, я толк*) мы такого оттенка совсем не ощущаем. Таким образом первичной причиной „аористической“ функции междометий во всяком случае нельзя считать близость последних к императивным формам. Вондрак³⁾ видит в (глагольных) междометиях „bloss stämme ohne endungen“, притом „nicht ausschliesslich verbalstämme“, и утверждает, что „ein grammatischer satz liegt hier eigentlich nicht vor“. Последнее утверждение мне кажется совершенно необоснованным; мы в данных выше примерах находим вполне определённые предложения (даже грамматические), в которых междометия (*прыг торк дёрг сар фajt* и т. д.) исполняют все функции сказуемого-глагола. И Миклошич и даже Вондрак вполне допускают, что ими выражается „eine rasch eintretende (= momentan eintretende) handlung“, т.-е., что они являются сказуе-

1) ASPH. XXVI, стр. 508—518.

2) Vergleichende grammatik, т. IV, стр. 783.

3) Vergl. slav. grammatik, т. II, стр. 274.

мыми в предложении, а не только несинтактическими выражениями эмоции. Мы в праве подчеркнуть самым определённым образом, что рассматриваемые нами „междометия“ являются глагольными формами, что звукоподражательность их не отличается ничем от звукоподражательности целого ряда несомненных исконных глаголов (*брякать хлопать хоркать клепать* и т. д.), и что нужно их строго отличать от междометий типа *дин бумм тпру* и т. д. Нелишне в связи с этим указать на то, что все приведённые примеры отличаются от внешне аналогичных случаев в иных языках (ср. нем. *Er fiel — bums!* — *ins wasser*) тем что последние всегда соединяют междометие с глаголом, который поясняется ими, но может стоять и без них, между тем как первые в этом не нуждаются, т.-е. междометия сами обладают глагольным характером. Кроме того особенно важно то, что они всегда обозначают действие прошедшее сов. вида¹⁾. Я поэтому нахожу даже возможным утверждать, что значительная часть так наз. глагольных междометий, употребляемых в „аористическом“ смысле (т.-е. вместо мгновенного прошедшего времени сов. вида), является по происхождению не столько междометиями, от которых образованы глаголы на *-нуть* (междометия такого типа, конечно, часто смешивались с нашими), сколько „окаменевшими“ глагольными формами, потерявшими непосредственную связь с соответствующими глаголами в силу непрозрачности их образования и ставшими поэтому междометиями. Остаётся ещё только, после этих априорно-теоретических рассуждений, поставить и постараться решить вопрос, к каким же глагольным формам следует возводить эти петрификаты? Мне представляется возможным и допустимым такое объяснение: наши петрификаты вероятно не что иное как формы сильного аориста, утратившие свой исконный характер благодаря утрате аориста. Мы только-что видели, что рядом с нашими „междометиями“ всегда стоят глаголы на *-нуть*, *-noti*. Глаголы на *-noti*, как указывает напр. Мейе²⁾, образованы „sur des aoristes radicaux qui représentent d'anciens aoristes ou d'anciens imparfaits“. В то время как у остальных глаголов очень рано (уже

1) На это указывает и Шахматов, Синтаксис, вып. II, стр. 57. Ср. также вып. I, стр. 194.

2) Le slave commun, стр. 192.

в праслав. эпоху) сигматический аорист вытеснил сильный аорист, последний устойчиво сохранялся при глаголах на *-nǫti*, если они были образованы от основы на согласную. 1-ое лицо ед. числа сильного аориста от глаголов типа *dvig-nǫti* **mĭk-nǫti* **drǫ-nǫti* **trk-nǫti* и т. д. звучало *dvigъ* **mĭkъ* **drǫъ* **tlkъ*. К этой форме может-быть именно и восходят наши мнимые междометия, причём прекрасным доводом в пользу этого утверждения является тот факт, что мы не имеем таких междометий на гласную; глаголы на *-nǫti* с основой на гласную типа *mi-nǫti* *romē-nǫti*, как известно, сильного аориста в древнеболгарских текстах не образуют, и поэтому, согласно нашей теории, междометий на гласную нет и быть не может. Однако, против этой теории можно бы возразить кое-что. Попытаемся ответить на такие возражения. Прежде всего можно спросить, почему же глаголы типа *mošti iti* и т. д., также образовавшие сильный аорист (*mogъ idъ*), не сохранили таких „окаменевших“ форм в виде междометий? Ответить на это нетрудно, ибо 1) в виду того, что аорист очень рано начал ограничиваться кругом глаголов сов. вида, указанные глаголы рано перестали употребляться в аористе (не только в очень редком сильном, но и в более употребительном сигматическом аористе), а выступали в аористе главным образом глаголы, сложенные из них и приставки (*pomošti doiti* и т. д.); это, конечно, уже суживало их права; а 2) глаголы указанного типа, не будучи однократными, уже по значению не способствовали сохранению аориста, принимавшего результативно-мгновенный характер. Далее можно признать несколько странным, что в „междометиях“ нашего типа сохранилась именно форма 1-го лица ед. числа, а не какого-либо иного, напр. 2-го или — ещё скорее — 3-го лица ед. числа. Возражение это, действительно, серьёзное, и я сам немало над ним задумывался. Но мне кажется, что и оно не может нас заставить отказаться от проводимой нами мысли. В сущности такой процесс изоляции и окаменения 1-го лица ед. числа вполне мыслим, ибо это лицо, конечно, употреблялось в рассказах о собственных похождениях. Но утверждая, что мы в таких формах как *дѣрг толк торк мык прыг* и т. д. должны видеть пережиток аориста от глаголов *дѣр[г]-нуть толк-нуть торк-нуть мык-нуть прыг-нуть* и т. д., я всё же не хотел бы слишком настойчиво проводить мысль, что мы в них имеем именно обобщённую

форму 1-го лица ед. числа. Я скорее вижу в них след давнишнего представления о коренной двойственности или коренной противоположности основ настоящих („*praesensstämme*“) типа *dvig-ne/-no-* основам аористическим („*aoriststämme*“) типа *dvige-/o-*. Но если такое предположение, гипотетический характер которого я отрицать не берусь, окажется неприемлемым, я, во всяком случае, не отказываюсь от своей главной мысли о том, что между нашими междометиями и сильным аористом существуют теснейшая связь, и что междометия эти именно в силу этой своей связи с аористом и были в состоянии взять на себя глагольные функции отживающего и исчезающего аориста. Я тем менее склонен отказаться от неё, что и Шахматов, как мне привелось удостовериться уже по написании своей статьи, определённо склонялся к приблизительно такому же взгляду. Привожу его собственные слова: „Возможно, что глагольное междометие и сложилось и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста... Форма многих аористических образований сходствует с глагольными междометиями (*стук двиг порх толк бух чебурах*), а именно сильного аориста; быть может именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида“. „Собственно глагольные формы стали междометиями, потому что утратили связь с другими глагольными формами“¹⁾.

§ 30. Подчеркну под конец ещё раз сделанную мною уже в первом параграфе настоящей работы оговорку, что я не считаю предлагаемую мною гипотезу окончательным решением тех вопросов, которые рассмотрены мною выше. Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы критический разбор моих положений, хотя бы и не подтвердив моей догадки или моих догадок, всё же способствовал удовлетворительному решению затронутых проблем. В частности ценным было бы всякое критическое замечание с сербохорватской стороны, ибо весьма возможно, что мною упущены из виду важные факты и точки зрения, имеющие существенное значение для всестороннего освещения наших проблем.

1) Синтаксис, вып. II, стр. 57, 101. Ср. вып. I, стр. 194.

Ad. Stender-Petersen.

Über rudimentäre reste des aorists in den slavischen sprachen, vorzüglich im russischen.

[Autoreferat.]

Vorliegende untersuchung ist einigen einzelerscheinungen aus dem gebiete der slavischen syntax gewidmet und trägt daher einen speziellen charakter. Nichtsdestoweniger dürfte sie eine allgemeinere prinzipielle bedeutung beanspruchen. Als ausgangspunkt dient ihr ein von MIKLOSICH stammender ausspruch, wonach bei verlust einer gegebenen sprachlichen form auch die dadurch zum ausdruck gebrachte bedeutungskategorie verloren gehe, bezw. umgekehrt, der verlust einer gewissen sprachlich-gedanklichen kategorie auch den verlust der von ihr geforderten form nach sich ziehe. Im hinblick auf die zu untersuchenden drei erscheinungen wird nun gleich eingangs der gedanke ausgesprochen, dass der verlust einer bestimmten form nicht immer auch zum verluste der entsprechenden kategorie führe, sondern die eventualität denkbar sei, dass die bedeutungskategorie von der verschwindenden form auf eine andre übertragen werde, die mit jener so oder anders äusserlich assoziiert ist. Dieser gedanke wird den folgenden reflexionen, deren hypothetischer charakter im voraus betont wird, zu grunde gelegt (§ 1).

1. Zunächst wird eine erscheinung behandelt, die besonders im russischen ausserordentlich oft vorkommt. Sie besteht darin, dass die 2. person sing. des imperativs in präteritaler funktion, und zwar für alle personen des singulars und plurals, mit ausnahme der 2. person, auftritt. Sie darf nicht mit der tatsache der konjunktiven, optativen und konditionalen anwendungsweise des imperativs verwechselt resp. verbunden werden (§ 2). Der russische text dieser untersuchung bringt (§ 3) eine reichhaltige sammung von belegen für die präteritale gebrauchsweise des imperativs im russischen, wobei die textbeispiele fast ausnahmslos für die gesprochene, lebende sprache charakteristisch sind. Für den zweck dieses referats genügen folgende zwei beispiele: erstens ein satz, in

dem der imperativ für die 3. person sing. der vergangenheit steht: *На этих порях отец мой — царство ему небесное — возьми да и умри* (Turgenev), und zweitens ein satz, in dem der imperativ unpersönlich für die vergangenheit gebraucht wird: *Случись, однакоже, что гребень затерялся* (Krylov). Die hier behandelte erscheinung ist schon mehrfach flüchtig besprochen worden, so von BUSLAEV (Историческая грамматика русского языка, 5. aufl., Moskau 1881, s. 140 ff.), MIKLOSICH (Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, bd. IV: Syntax, Wien 1868—74, s. 794), SOBOLEVSKIJ (Лекции по истории русского языка, 2. aufl., Petersburg 1891; 4. aufl., Moskau 1907, s. 255), DELBRÜCK (Vergleichende syntax der indogermanischen sprachen, bd. II, Strassburg 1897, s. 397), VONDRÁK (Vergleichende slavische grammatik, bd. II, Göttingen 1908, s. 282; 2. aufl., Göttingen 1928, s. 395) und MAZON (L'emploi des aspects du verbe russe, Paris 1914, s. 71 ff., s. 94—95). Die von ihnen vorgetragenen anschauungen werden (§ § 4—6) eingehend besprochen, wobei die zuerst von DELBRÜCK ausgesprochene vermutung, dass die erscheinung auf einer psychologischen ellipse beruhe, als höchst unwahrscheinlich dargetan und MAZON gegenüber die notwendigkeit einer strengen unterscheidung zwischen dem „historischen imperativ“ perfektiver und demjenigen imperfektiver zeitwörter betont wird. Diese kritik zwingt uns (§ 7) zur annahme, dass wir es historisch nur mit einem scheinbaren imperativ zu tun haben, der in der tat die form eines „falsch“ gebildeten aorists vertreten dürfte; dieser gedanke wird (§ 8) vorläufig an einem altrussischen beispiel erläutert, in dem die (imperativische) form *нонеси* neben dem „echten“ aorist *носла* gleichberechtigt auftritt. Die einzelnen etappen im prozesse des altrussischen aoristverlustes, der im 12. und 13. jahrhundert stattfand, weisen den charakteristischen zug der vermengung von personen- und zahlkategorien auf (§ 9); die vermutung ist zulässig, dass diese erscheinung mit dem zusammenfall der 2. und 3. person sing. des aorists mit den entsprechenden formen des imperativs und der u. ſ. a. dadurch bewirkten überhandnahme der 3. person sing. auf kosten der übrigen zusammenhängen könne, wobei diese identifizierung beider formen bei den verben auf *-iti* (zunächst den stammbetonten) ihren anfang genommen, dann aber sich analogisch allmählich auch auf alle übrigen ausgebreitet habe (§ 10). Diese anschauung lässt sich durch eine reihe altrussischer textbelege, in denen

ein „imperativ“ statt des aorists auftritt, erhärten, trotzdem die beibringung solcher belege u. a. dadurch stark erschwert wird, dass die unterscheidung beider formen gerade bei den zahlreichen verben auf *-iti* in der schrift vereitelt wird; von bedeutung für unser phänomen war sicher auch die sehr beliebte formelhafte anwendung der aoristischen formen *случия прилучия* in den altrussischen romantischen „historien“ (§ 11), wie die im texte gegebene beispielsammlung dartut. Die hier vertretene anschauung, die eine befriedigende erklärungs aller einzelzüge der „historischen“ gebrauchsweise des imperativs ermöglicht, ist schon von ШАХМАТОВ (Синтаксис русского языка, t. I—II, Leningrad 1925—27, § 190 u. § 231), freilich ohne beweismaterial und nur vermutungsweise, kurz angedeutet worden (§ 12). Der momentane aspekt, der dem historisch-präterital gebrauchten imperativ eigen ist, lässt sich unschwer aus dem begriffe des aorists ableiten, wenn man annimmt, dass die ursprüngliche aspektlosigkeit desselben, in verbindung mit der tendenz zur beschränkung desselben auf perfektive verba und im gegensatze zur form des periphrastischen präteritums, dem die vorstellung des bis auf die gegenwart andauernden handlungsergebnisses anhaftet, allmählich die nuance eines nicht andauernden handlungsergebnisses und weiter einer momentan-resultativen handlung annahm; wenn dem hier behandelten rudimentären aorist weiterhin die nuance einer „überraschenden“, „unerwarteten“ oder besser „ungewollten“ und „unfreiwilligen“ handlung zukommt, so lässt sich dieser charakteristische zug durch jenen semasiologischen einfluss erklären, der von der form des imperativs, mit der der aorist identifiziert wurde, notwendigermassen ausgehen musste, indem der imperativ bei der angeredeten person gewissermassen willenlosigkeit voraussetzt (§ 13). Die so gedeutete erscheinung ist u. a. auch im serbokroatischen gut belegbar, wie die exemplarsammlungen bei MIKLOSICH (Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, bd. IV, Wien 1868—74, ss. 795—796) und MARETIĆ (Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, Zagreb 1899, s. 607) dartun; doch muss auch hier eine grenze gezogen werden zwischen dem perfektiven und dem imperfektiven „imperativus historicus“ (§ 14). Der erstere ist — wie im russischen — charakteristisch für die gesprochene sprache und ist dem archaisierenden historischen volksliede fremd; die erscheinung beruht hier wesentlich auf der tendenz zur aufgabe des aorists (§ 15) und lässt sich

auch hier auf eine anfänglich partielle, dann analogisch generalisierte identifizierung der 2. und 3. person sing. des aorists mit den entsprechenden formen des imperativs zurückführen, was durch gewisse quantitäts-, betonungs- und intonationsverhältnisse nur gefördert werden konnte (§ 16). Eine derartige übertragung der bedeutungskategorie von einer gegebenen form auf eine andre ist — wie die geschichte der russ. präsensformen *дашь емь*, *да-дум едум* und der konditionalen partikel *бы* lehrt — durchaus keine isolierte erscheinung in der sprachgeschichte (§ 17).

2. Dem polnischen ist der oben behandelte gebrauch des imperativs fremd; das von MIKLOSICH und VONDRÁK beigebrachte beispiel wird auf grund eines entsprechenden polnischen und russischen belegmaterials anders gedeutet (§ 18); die nicht-anwendung des imperativs in präteritaler funktion im polnischen, für die eigentlich auch hier alle bedingungen vorlagen, hängt vielleicht damit zusammen, dass die kategorie des verschwindenden aorists allmählich in ähnlicher weise auf eine andre verbalform übertragen wurde, nämlich — wie schon KRYŃSKI (*Gramatyka języka polskiego*, 4. aufl., Warszawa 1907, s. 208, und im sammelbande *Język polski i jego historia*, bd. II, Kraków 1915, s. 97) gemeint hat — auf die präsens-futurum-form perfektiver zeitwörter (§ 19). Diese übertragung wurde dadurch bewirkt, dass das präsens und der aorist in der 3. person sing. bei den verben auf *-e-|o-* und *-i-* zusammenfielen; später griff die semasiologische identifizierung des aorists mit dem präsens allmählich auch auf die übrigen verba und übrigen personen über. Diese erklärung unserer erscheinung, die sich auch bei BAUDOUIN DE COURTENAY (*Польский язык*, Petersburg 1912, s. 29) findet, lässt sich sehr wohl gegen die kritischen einwände HEILPERNS (*ASPh.* XXVI, s. 442) und Łoś' (im sammelbande *Gramatyka języka polskiego*, Kraków 1923, s. 342) in schutz nehmen (§ 20 u. § 21). Im russischen wurde ein gleiches syntaktisches resultat dadurch erzielt, dass die 3. person sing. des aorists in breitem massstabe die endung *-mъ* des präsens entlehnte (§ 21), dieses aber dialektisch zugleich seinerseits die genannte endung verlor (§ 22); in vielen fällen wird sich daher das präterital-aoristisch gebrauchte präsens-futurum perfektiver verba, das vom iterativ angewandten streng unterschieden werden muss, auf jene identifizierung des aorists mit dem präsens-futurum zurückführen lassen (§ 23). Dagegen wird es sich in den slavischen sprachen kaum immer um ein

futurum historicum handeln, dessen wesen meiner im russischen texte näher motivierten meinung nach darin besteht, dass es handlungen bezeichnet, die entweder von den übrigen durch einen langen zeitraum geschieden sind oder dieselben resultativ abschliessen (vgl. WACKERNAGELS aufsatz in der festschrift für Vilhelm Thomsen, Leipzig 1912, s. 134—137); denn im slavischen liegt nur ausnahmsweise eine verschiedenheit der relativen zeitflächen vor, wie sie für das eigentliche futurum historicum charakteristisch ist, und das präteritale futurum tritt vollständig gleichberechtigt neben wirklichen präterita oder historischen präsentien auf, wobei es ausserdem noch, wenigstens im polnischen und russischen, durch die dem futurum historicum fremde nuance der momentaneität ausgezeichnet ist (§ 24). Der erklärungsversuch, den Musić (ASPh. XXIV, s. 479 ff.) seinerzeit gemacht hat, operiert nicht mit dem begriffe des futurum historicum, sondern geht — wenigstens inbetreff des serbokroatischen — von der vermeintlichen möglichkeit einer mechanischen übertragung der für das präsens imperfektiver verba charakteristischen „historischen“ gebrauchswaise auf das präsens perfektiver verba aus; er verwendet dabei die terminologischen begriffe „standpunkt des vorsichgehens“, womit wohl die formale bedeutung des präsens gemeint ist, und „standpunkt des redens“, worunter wohl die funktionale bedeutung jener form verstanden wird (§ 25). Die anwendung dieser begriffe führt aber bloss zu tautologischen umschreibungen und wenig überzeugenden erörterungen über den verschiedenen „stil“ des sängers und des erzählers (§ 26). Im gegensatz zu Musić meint verfasser auch für das serbokroatische eine allmähliche identifizierung des aorists mit dem präsens-futurum perfektiver verba, das den aorist in weitestem masse zu verdrängen im begriffe ist, annehmen zu dürfen, wobei auch hier wiederum die quantitäts-, betonungs- und intonationsverschiedenheiten innerhalb der flexion des aorists und die formale identität der (2. und) 3. person des aorists und präsens bei den verben auf *-iti* schliesslich zu einem zusammenfall auch der übrigen personen bei allen verbalklassen führen mussten (§ 27).

3. Während der „aoristische“ imperativ mit der nebenvorstellung einer unfreiwilligkeit der handlung verknüpft ist, bedarf das „aoristische“ präsens-futurum häufig einer umgebung von wirklichen vergangenheitsformen, um recht verstanden zu werden. Nun gibt es in den slavischen sprachen ein drittes mittel, eine

momentan-aoristische handlung auszudrücken, das nicht von jenen semasiologischen mängeln affiziert erscheint: nämlich das syntaktische mittel der verwertung deverbativer interjektionen im sinne der vergangenheit. Dieser satz wird durch zahlreiche beispiele aus der russischen volkssprache und aus russischen literaturwerken illustriert, woran sich ähnliche beispiele (zum teil nach VONDRÁK, Vergl. slav. gramm., bd. II, 2. aufl., s. 419, und BERNEKER, ASPH. XXVI, s. 508—518) aus den übrigen slavischen sprachen schliessen (§ 28). Es wird darauf hingewiesen, dass die meisten interjektionen dieser art zu verben auf *-ŋoti* gehören bzw. solche verba zu ihnen gebildet werden können, und dass sie (z. b. *молк ѿѣрѣ*) formal mit der 1. person sing. des starken aorists (**tlkø *drgø*) von den entsprechenden verben (**tlkŋoti: молкнѹмъ *drgŋoti: ѿѣрнѹмъ*) zusammenfallen; doch wird dieser umstand nicht zu hoch angeschlagen, sondern vielmehr betont, dass wohl auch der ursprüngliche dualismus zwischen dem präsensstamme vom typus *dvig-ne-|no-* und dem aoriststamme vom typus *dvige-|o-* in der aoristischen gebrauchsweise der interjektionen eine spur hinterlassen habe. Auch in diesem falle kann sich verfasser auf eine flüchtige bemerkung ŠACHMATOV'S (СИНТАКСИС, bd. I, s. 194 und bd. II, s. 57, 101) berufen (§ 29).

Die drei thesen, die den inhalt dieser abhandlung bilden, haben — wie zuletzt betont wird — einen bloss hypothetischen charakter. Eine jede korrektur, besonders von serbokroatischer seite, wäre nur zu begrüßen, da sie zur klärung des problems beitragen würde (§ 30).

ESTICA

A 16429

i29480546